Евгений КАЛАШНИКОВ

ЩУКА ТОЖЕ ХОЧЕТ ЖИТЬ

Весёлые истории

Гомель
2017

БАЛАГУР

ДОСВИСТЕЛСЯ РАК

Однажды рак, скучая в своей мрачноватой норе, задумался – чего это люди так часто говорят: «Это будет, когда рак на горе свистнет». «Интересно, а если попробовать? Что же действительно тогда случится?» И он, собравшись с духом, покинул родную стихию и не спеша полез на гору.

Взобравшись на самую вершину, рак глянул по сторонам, сунул свою меньшую клешню в рот и свистнул. И вроде не так уж и громко свистнул, но что тут началось! Мир словно перевернулся! Водители начали останавливаться перед пешеходными переходами и перестали разговаривать по мобильнику во время движения. В магазинах цены начали стремительно снижаться, а зарплаты на предприятиях неуклонно расти. Дорожники перестали отмывать деньги на ямочных ремонтах и начали укладывать покрытия, не нарушая технологии. Посетителей в учреждениях встречали с улыбками и без волокиты решали все их проблемы. В автобусе молодой человек вежливо уступил место Ивану Ивановичу, ответственному работнику Главка. Вовочка, сын Ивана Ивановича, принёс домой отличные оценки и начал культурно выражаться.

Чиновники категорически начали отказываться от взяток. А те, кто уже успел «взять на лапу», писали явку с повинной.

Написал «повинную грамоту» и Иван Иванович и на дрожащих ногах понёс её в Следственный комитет. Но, открыв дверь в кабинет, он вдруг увидел за столом начальника огромного рака, почёсывающего клешнёй затылок.

Ужас обуял Ивана Ивановича! Тело покрылось холодным потом, он вздрогнул и… проснулся. «Это же надо такому ужасу приплестись!» – подумал Иван Иванович.

А через пару часов, придя на работу и поразмыслив как следует, он набрал на телефоне какой-то номер и решительно отклонил казавшееся таким соблазнительным предложение вчерашнего посетителя.

«СМИРНОФФ»

Когда-то мне привезли из тогда ещё Восточной Германии презент – бутылку водки «Смирнофф». Водка, конечно, весьма приятная на вкус, но и у неё был недостаток – быстро кончилась. А так как в советское время такая водка была у нас в диковинку, я решил не выбрасывать пустую бутылку с «экзотической» этикеткой и оставил её в баре.

Пришёл как-то ко мне приятель. Я достал бутылку нашей «Столичной», разлил по рюмкам. Выпили.

– Вот раньше была «Столичная» – мягкая, приятная, – говорит он, – не то, что теперешняя.

– А хочешь, – говорю, – я тебе другой дам попробовать?

– Не возражаю…

Я взял эту бутылку, прошёл в другую комнату и перелил оставшуюся водку в бутылку «Смирнофф».

Гость удивился: – Откуда у тебя смирновская?

– Да сотрудница подарила недавно, – говорю, – из Германии привезла. – Разлил по рюмкам опять.

Приятель не просто пил – он смаковал.

– Да! Вот это водка! Умеет же немчура делать качественно, – наконец произнёс он, с удовольствием делая последний глоток.

КТО ГЛАВНЫЙ В ДЕМОГРАФИИ?

Молодожёны Вася и Люся смотрели как-то телешоу Елены Малышевой «Жить здорово».

По сценарию шоу женщина интересовалась у профессора, главного стоматолога России: когда лучше лечить зубы – в начале беременности или после родов?

Профессор, конечно, аргументированно отвечает, что зубы лечить нужно до беременности.

Малышева прокомментировала ответ профессора следующим образом: «Запомните, дорогие женщины – прежде чем лечь в постель, идите к стоматологу. Без него никаких любовных утех».

Ночью Вася, обняв молодую жену и лаская её другой рукой, шепчет на ушко: – Давай-ка мы уже, Люсенька, заведём наконец-то ребёночка…

– Ну, что ты говоришь, дорогой! Ты же слышал, что Малышева сказала: «Без стоматолога никаких любовных утех, а где же я его сейчас возьму, на ночь глядя?»

Вот так! Оказывается, главный в зачатии – стоматолог!

ОТКУДА ПРОЗВИЩА БЕРУТСЯ...

Работала у нас бухгалтером молодая женщина. Толковая, симпатичная, но прозвище у неё было какое-то очень уж неподходящее – «жаба красная». И даже как-то странным казалось: несмотря на то, что многие её так называют, за глаза, конечно, она не обижается.

Как-то я не выдержал и спросил по секрету у одной сотрудницы: откуда взялась такая странная «партийная кличка»?

– Однажды в разгар лета, – говорит она, – стояла очень жаркая погода. К тому же намечалась гроза, и в отделе, несмотря на открытое окно, была ужасная духота.

И вот Жанна (так звали эту женщину) глянула на себя в зеркало и изрекла: «Ой, девочки! Когда эта духота кончится? Я уже красная, как жаба».

Сравнение было настолько неожиданным, что сразу так и прилипло к ней – «жаба красная».

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА МОЕГО

Анна с подругой возвращались с пляжа. Автобус был набит пассажирами битком. Дышать нечем, пот катится градом. Одежда липнет к перегретому солнцем телу, которое вдобавок ко всему ещё и сжато со всех четырёх сторон. Дорога кажется нескончаемой, а тут ещё рядом с ними малыш лет четырёх, сидящий у окна, с завидной регулярностью, через каждые две-три минуты, на весь автобус

распевает полюбившуюся ему фразу из репертуара Антонова: «...под клысай дома моего...» И в таком размеренном ритме всё время.

Кто-то из пассажиров попытался сделать мамаше замечание, но она, очарованная музыкальным дарованием сынишки, не отреагировала.

Как и у всех, нервы у Анны под воздействием этого дарования были уже на пределе, а малыш размеренно продолжал развивать голос.

Тогда Анна пошла на хитрость. Шёпотом, но так, чтобы услышала счастливая мамаша, она спросила у подруги: «Олька, ты не знаешь, сколько дают за убийство ребёнка?»

Что ответила подруга, осталось неизвестным, но мамаша, глянув на подозрительных девушек, тут же начала шёпотом что-то рассказывать малышу на ушко. Малыш замолчал и, забыв про песню, так же шёпотом начал о чём-то расспрашивать маму.

Даже автобус вместе с пассажирами облегчённо вздохнул.

Через несколько остановок подруги вышли на волю и, сделав несколько шагов, вдохнув свежего воздуха, не сговариваясь, запели: «...под крышей дома моего...»

ОТЧЁТ О КОМАНДИРОВКЕ

Как это получилось – сам не понимаю. Из-за своей рассеянности я часто имею большие неприятности. Так получилось и в этот раз, когда я нечаянно отдал шефу на подпись вместе с отчётом о командировке свои дорожные заметки. Во время командировок я обычно веду записи житейского

характера – фиксирую, что я делал в эти дни, сколько выпил, чтобы потом проанализировать, отчего со мной произошла та или иная история.

И вот надо же такому получиться! После прочтения отчёта, оканчивавшегося просьбой продлить командировку на один день, шеф добрался и до моих заметок, которые случайно оказались скреплёнными с отчётом. Итак: «13 мая. Номер в гостинице небольшой, зато один. Выпил 150, перекусил. Пошёл знакомиться с городом. Нашёл уютненький ресторанчик. Выпил 150, пообедал. Кажется, пошёл в кино».

На следующий день я, как и положено, был в нужном учреждении. В отчёте у меня написано, что я в этот день собирал, а затем обрабатывал необходимые данные и материалы. А в той злополучной записке написано: «14 мая. Отмаялся. Чтоб он провалился, этот институт. Шеф такой же придурок, как и наш. Для снятия напряжения выпил 150. Сходил на ипподром. Проиграл. Вернулся в гостиницу. Выпил 150. Кажется, смотрел телевизор».

В таком же темпе прошло ещё два дня. Наконец последняя запись: «18 мая. Взял билет. Сегодня домой. На радостях выпил 150. До отхода поезда выпил ещё 150. Кажется, сел не в свой поезд. Иначе чем объяснить, что меня завезли на 400 километров в противоположную сторону?»

Короче говоря, я отдавал секретарше отчёт на подпись, абсолютно уверенный, что шеф продлит командировку.

Представьте себе моё удивление, когда через полчаса он вызвал меня и спросил: «Кажется, это вы ещё сегодня утром работали у нас в институте?..»

ПОДКОВКИ

(Живая комедия 60-х годов в двух действиях)

Действие первое

Сапожная мастерская. Входит молодой человек. На ногах у него сверкают лаком новые туфли.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, что вы хотите?

– Можно ли прибить подковки на туфли?

– Нет, нельзя.

– Почему?

– Нет заведующего.

– А что, разве заведующий подковки прибивает?

– Нет, конечно, но подковки заперты у него в шкафу. Приходите завтра.

– Ну что же, до свидания.

Действие второе

Назавтра. В этой же мастерской, но с другим приёмщиком. Входит тот же молодой человек.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Что вы хотите?

– Заведующий есть?

– Есть, а зачем он вам?

– Подковки нужно прибить на туфли.

– А что, разве заведующий подковки прибивает? Давайте сюда ваши туфли.

КОНЬЯК

В обеденный перерыв в нашем техбюро зашёл разговор на тему домашнего бара.

– У меня в баре целая коллекция вин, – говорит Алла Сергеевна, – и молдавские, и армянские, и итальянские, даже болгарский розовый ликёр. Не представляете, какое это чудо! Его нельзя пить. Его можно только дегустировать по ДЕСЯТЬ ГРАММОВ. Аромат – будто находишься внутри розового куста.

– Действительно чудо, – поддержала её Людмила Васильевна, – я пробовала его у тебя однажды.

– Да, когда в баре что-то есть, это, конечно, хорошо, – сказала Ольга Петровна, – но с тех пор, как мой Колька учудил, я больше впрок ничего не покупаю. Представляете, собралась у нас как-то приличная компания. Я выставила на стол закуски, вина. Сняли фольгу, штопором раскупорили, разлили по фужерам… Я, как радушная хозяйка, тост сказала, чокнулись, выпили. И тут вижу – лица у моих гостей как-то странно вытянулись. Оказывается, мой прохиндей постепенно, с помощью здоровенного шприца, опорожнил почти все бутылки, а потом тем же способом заполнил их чаем. С тех пор – никакого бара.

– Ну и мудрец ваш Колька, – включился в разговор начальник бюро Пётр Фомич. – А я вот ещё слышал, как один такой рационализатор на даче шприцем заправлял водку в помидоры, а жена всё никак не могла понять – и не пил, а пьяный ходит. Никогда у нас не переведутся находчивые люди. А я вот не очень-то люблю вина. У меня

от вина ноги слабеют и в сон шибает. Правда, пару бутылок на всякий случай держу, но в основном у меня в запасе водочка. Ну и коньяк, конечно.

Инженер-технолог Алексей Иванович, большой любитель спиртного, безучастно сидел и, казалось, не прислушивался к разговору, но как только прозвучало слово «коньяк», он тут же оживился и радостно воскликнул: – А у меня дома тоже арабский коньяк есть. И я даже знаю, где он стоит!

СТАРАЯ ПОДШИВКА

Как-то я просматривал в библиотеке подшивку газеты «Комсомольская правда». Моё внимание задержалось на слегка помятом экземпляре с небольшими разрывами. Читаю в интересовавшей меня рубрике «Турнирная орбита»: «Шахматы. Новый чемпион Европы среди юношей (до 20 лет) – Ш. Толбат из Великобритании. На соревнованиях по швейцарской системе в голландском городе Гронингене он набрал 9 очков в 13 турах. Такой же результат ещё у двух участников – москвича С. Долматова и К. Георгиева из Болгарии. Однако первенство присуждено Толбату... – Далее из газеты почему-то вырван клок, а после разрыва первые же слова: ... он оказался легче соперника на 250 граммов».

Так я и не узнал действительной причины присуждения первенства.

БАЛАГУР

Однажды в бане мне попался очень разговорчивый собеседник. Как-то так получалось, что мы и в парилку вместе, и отдыхали после неё тоже вместе. Обычно я долго «прохлаждаюсь», и он всё это время терпеливо сидел со мной. А может, и специально не спешил, потому что нашёл «благодарные уши». То он мне рассказывал, как выводить «колорада» с картошки луковой шелухой, то про украинское сало в шоколаде... Потом говорит:

– Я вот знаю, что водка по таблице Менделеева должна быть 40 градусов, а вот сколько градусов можно на килограмм веса – нигде не встречал, поэтому частенько ошибаюсь. И не я, наверно, первый заметил: когда усну в ботинках – наутро голова трещит.

– А то вот у меня один знакомый, – говорит, – старик уже, так ему в войну на руке кость какую-то перебило, и она у него на сухожилиях держится. Он её другой рукой может выкручивать, как захочет. Так он всегда спор выигрывает. Хочешь, – говорит, – я свой локоть укушу? Ну, кто ж ему поверит – рука-то не протезная и пальцы шевелятся.... А он её выкрутит да и куснёт свой локоть...

В очередную нашу остывочно-прохладительную процедуру после парилки он мне рассказал, что с детства не любит читать книги.

– Жена как-то хотела приучить меня к чтению, – говорит, – да ничего из этого не вышло. Принесла какую-то книжку, кажется, про войну, так там девять листов только о том, как солдат переходил пшеничное поле. То он ёжика

увидел, то споткнулся, упал и травинку рассматривал, то ещё что-то наподобие. Так эти первые девять листов и стали последними.

И уже уходя из бани, он воскликнул:

– Да! Вот ещё вспомнил. Одну книжку я всё-таки прочитал. Это «Двенадцать стульев» Остапа Бендера!

ПОДПИСЬ

Начальник металлургического бюро В. А. Школьников, как обычно не глядя, подписал изменения в конструкции изделий, которые подготовил для согласования начальник другого бюро, конструкторского, Евгений Гладковский. Все эти изменения ранее были уже оговорены, осталась только формальность – подпись. Евгений перелистывает извещения об изменениях, открывая только строку: «Согласен.....Школьников».

Но Школьников забывает, что Гладковский большой шутник.

И вот ко всеобщему удовольствию отдела Евгений извлекает из середины стопки листок и громко читает:

«Школьникова расстрелять. Потом разберёмся, может, не за что было».

Согласен *Школьников* (Школьников)

Но однажды чаша терпения Школьникова лопнула.

На очередном таком бланке он читает:

«Виталий Абрамович! Те 30 рублей, которые я у тебя одолжил, я тебе не отдам».

Согласен *Школьников* (Школьников)

Долго ещё Гладковский показывал Школьникову эту «расписку», когда тот намекал о долге.

С тех пор Школьников перестал подписывать согласования, не глядя.

ЭКЗАМЕН ПО ТУРЕЦКОМУ

Когда-то, в далёкие уже пятидесятые годы, подал один капитан, служивший в мотострелковом полку, рапорт о своём желании поступать в Военную академию.

Командир он был серьёзный, заслуженный, и его желание было одобрено вышестоящим командованием. Так он впервые в жизни оказался в Ленинграде, который поразил его своим размахом и великолепием.

Поступить, во что бы то ни стало! Несмотря ни на какие трудности и проблемы. Такую задачу поставил себе капитан. А проблема была. Экзаменов он в общем-то не боялся, но вот иностранный... В нём-то и была проблема.

Дело в том, что ни про немецкий, ни про английский язык он даже не решался сказать: «владею со словарём». Не давались они ему, и всё тут.

Тогда он начал интересоваться, какой язык не изучают в академии. Оказалось – турецкий. Он и написал в графе о владении иностранным языком – «турецким, без словаря». Думал – а может, и сдавать не придётся.

Но в приёмной комиссии сказали: «Турецкий так турецкий. Найдём преподавателя».

Да, Ленинград-то большой... А может, не найдут?! Выучить по-турецки хоть что-нибудь – ни времени, ни

способностей. А набором какой-нибудь абракадабры типа «перлы-мурлы-курлы-турлы» не проведёшь даже не знающих турецкого.

Поразмышляв, идёт капитан в библиотеку и просит энциклопедию на букву «Т» и книгу какого-нибудь турецкого писателя, конечно, в русском переводе. Из них он выбрал десяток-другой турецких имён и непереводимых на русский слов и составил из них несколько благозвучных «фраз». Всё оставшееся до экзамена время он усердно зубрил их, чтобы они звучали непринуждённо, уверенно и убедительно.

Вот и экзамен. Комиссия. С самого края восседает представительный «турок» – профессор одного из вузов Северной Пальмиры.

– Итак, молодой человек, где вы постигали турецкий язык? – задал он первый вопрос.

– Сосед у нас был турок. Мы с ним были очень дружны. Так и выучил, – напропалую импровизирует капитан.

Профессор перешёл на турецкий и задал следующий вопрос. Капитан понял, что отвечать нужно очень быстро.

– Шакир балкы селим ибо хухры, – выпалил он и осёкся, от волнения едва не окончив русским «хухры-мухры», неожиданно всплывшим в мозгу.

У профессора широко открылись глаза. Он задаёт второй вопрос. Капитан так же браво отвечает:

– Хатыдже эфенди хабиб ауни бей.

Профессор посмотрел экзаменационную карточку – все предметы «хорошо» и «отлично». Ему так понравилась капитанская хитрость, что он решил не выдавать его и произнёс ещё что-то по-турецки. Капитан заученно выпалил:

– Туркайе кумхурсите или сакарья. Профессор глянул на членов комиссии:

– Узнаю напор матушки-пехоты. Отличное владение языком, но очень редкий диалект.

Эта оценка и появилась в экзаменационной карточке.

– Отчаянная вы голова, капитан, – сказал ему профессор после экзамена. – Но английский или немецкий вам всё-таки придётся выучить. И турецкий тоже – вдруг в академии переводчик понадобится…

НУ, ДЯБКИН, ПОГОДИ!

В связи с длительным отсутствием заведующего кафедрой, который взял годичный отпуск для подготовки докторской диссертации, исполняющим обязанности заведующего кафедрой был назначен доцент Каляка Иван Максимович.

Иван Максимович решил, что этот факт необходимо отразить в визитной карточке. Такая визитка, на его взгляд, придаст вес в глазах тех, с кем ему придётся контактировать. Не долго думая, он набрал текст визитки:

КАЛЯКА ИВАН МАКСИМОВИЧ
исполняющий обязанности
заведующего кафедрой
водного транспорта,
доцент

Затем ввёл в рамочку логотип университета, размножил визитку на стандартный лист и уже собирался распечатать его, как позвонила секретарь и сообщила, что Каляку приглашает ректор.

Иван Максимович спешно поднялся и ушёл, не выключая компьютер. Тут же к его столу подсел доцент Дябкин, матёрый шутник, и что-то поколдовал мышкой на компьютере.

Вскоре Иван Максимович вернулся и продолжил работу. Он распечатал два листа и отнёс в издательский отдел, где их заламинировали и разрезали на карточки. Спустя несколько дней, после беседы с потенциальным заказчиком о разработке договорной темы, Иван Максимович вручил ему свою визитку.

Поблагодарив, заказчик прочитал визитку и рассмеялся:

– Однако вы большой шутник, Иван Максимович!

– С чего вы так решили? – удивился Иван Максимович. Он взял протянутую ему визитку и, багровея, прочитал:

КАЛЯКА ИВАН МАКСИМОВИЧ
исполняющий обязанности
доктора технических наук,
доцент

«Ну, Дябкин, погоди!» – подумал Иван Максимович. Он сразу понял, чьих рук это дело.

ДЕД МИРОН

Дед Мирон, несмотря на свой весьма солидный возраст, жгучий брюнет с чёрными пронзительными глазами, давно уже был на пенсии. Он был отменным трудягой и добросовестно, умело и качественно делал любую работу. Даже детей у него было аж восемь.

Войну он прошёл всю – от начала и до конца. Правда, один раз был контужен, но когда его хотели в связи с этим признать инвалидом и комиссовать, он чуть не разогнал всю комиссию. «Какая вам на хрен контузия? Какая инвалидность?! Я вам покажу инвалида!» – разбушевался он. Так и дошёл до Берлина.

В молодости дед окончил церковноприходскую школу, а уже на службе в армии – военные фельдшерско-медицинские курсы и умел лечить и людей и братьев наших меньших, за что был весьма уважаем.

До войны Мирон был безразличен к спиртному, но, придя в мирную жизнь, почувствовал острую нехватку фронтовых ста граммов. Так исподволь и пристрастился к зелёному змию. Помногу он не пил и иногда оставшийся в бутылке напиток припрятывал в укромном местечке. И надо же такому случиться – однажды в том же месте рядом с его чекушкой оказалась такая же, но с чернилами.

В темноте, пока он по вкусу не сообразил, что пьёт что-то не то – успел сделать три-четыре глотка из бутылочки с чернилами. Беды, конечно, от этого не случилось, но несколько дней он ходил с изукрашенным чернилами лицом и фиолетовым языком.

Иной раз жена, Варвара, заводила бражку, чтобы к празднику выгнать немного самогонки, но ждать этого праздника у Мирона не хватало терпения. И когда Варвара куда-нибудь уходила, он забирался на печь, где стояла ёмкость с бражкой, через трубочку отливал себе порцию и компенсировал её водой. Конечно, к тому времени, когда нужно было гнать напиток, бражка уже ни на что не годилась.

– Ах ты, паразит чёртов! – ругалась Варвара самым страшным своим ругательством, – всё, больше не буду никакой браги заводить! – А Мирон только виновато отмалчивался, словно нашкодивший мальчишка.

Тяжеловато было изыскивать средства на выпивку. Вот и приходилось то рублик из пенсии припрятать от Варвары, то подработать как-нибудь.

А бывало, когда совсем уже невмоготу становилось, он скромно, с простецкой мужицкой хитринкой, обращался к старшей, уже работавшей дочке: «Надька, дачка, дайка так капеек семьдесят, близка ля рубля...» А на рубль он мог купить в аптеке целых пять пузырёчков перцовой настоечки для растирания! Оказывается, это был великолепный напиток!

Однажды случилось ЧП. «Сэкономленный» из пенсии рублик Мирон припрятал за отворотом своего треуха. А когда он, сидя на лавочке, плёл корзинку, одно ухо шапки предательски свесилось вниз и открыло обзору его тайничок.

В это время Варвара, или, как он чаще её называл – Варка – и которую он нежно любил всю свою жизнь, несмотря на свой взрывной характер, подошла и увидела торчащий из отворота рубль.

– Трудишься, Мирон? Ну, трудись, трудись. – И она, погладив его по шапке, незаметно реквизировала Миронову заначку.

Обнаружив пропажу, Мирон безуспешно обследовал все места, где он мог обронить свой рубль.

А спрашивать, не нашёл ли его кто, нельзя – разоблачат ведь, и «экономить» из пенсии станет труднее. Он даже в дворовом «скворечнике» поглядел.

И расстроенный дед замолчал. День молчит, второй не говорит, руками разводит и только «э... э...» и слышно от него. Переполошились домашние – что с дедом случилось? А на третий день не выдержал он и пишет на бумажке: «Пока не дадите выпить – ничего не буду ни слышать, ни говорить...» И подпись: «Батька».

Ну, что тут будешь делать? Пришлось лечить деда от немоты.

СИДЕЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ

Сидят Мирон и Варвара у телевизора, ужастик смотрят.

Варвара: – Ой! Бандиты! Что вытворяют! Ой! Ужас-то какой!

– Да это ж кино, старуха. Это ж не взаправду.

Через час смотрят другой фильм.

Мирон: – Гляди, старуха, вон в каждом фильме даже молодые и пьют, и курят, а ты говоришь, что это только я такой...

Варвара: – Да это ж кино, старик. Они ж и пьют не взаправду, и курят не взатяжку.

ГЛАЗАМИ СМОТРЯЩЕГО

Две подруги, молодые, весьма привлекательные дамы лет сорока, смотрят программу «Здоровье». Возле них крутится двенадцатилетняя дочь одной из них, Анечка.

Тема передачи для женщин весьма актуальна – рекламируются кремы для лица на разные случаи жизни. Юная

хорошенькая девушка на экране демонстрирует, как нужно правильно наносить крем на лицо.

Смотрела-смотрела Анечка, да и выдала:

– Ну, что они показывают это на молоденькой девушке? Показали бы на таких престарелых старухах, как вы…

От этой реплики даже телевизор вздрогнул и замолчал. На Анечку устремились два испепеляющих взгляда.

Девчушка поняла, что ляпнула невпопад, ойкнула, скукожилась и мигом юркнула за дверь.

ЭХ, ТЫ, БУЛЬКА...

Однажды Фёдор договорился с «двоюродной женой» о встрече и «взял» на работе отгул.

Рандеву прошло великолепно. Домой он возвращался несколько усталым, но в прекрасном расположении духа. И всё было бы хорошо, если бы… Но всё по порядку.

Дело в том, что у его подруги была маленькая лопоухая собачонка Булька. Это было доброе, но крайне вороватое существо. Всё понравившееся ей со временем можно было отыскать в тайнике за диваном. В этот раз Бульке приглянулась броская полосатая майка Фёдора, а, одеваясь, он про неё не вспомнил и надел рубашку на голое тело.

Придя «с работы» домой, Федор начал переодеваться, и в этот момент в комнату вошла жена. Она как-то странно посмотрела на него и спросила:

– А где твоя майка? Ты же утром был в майке, где она? – Кровь ударила Фёдору в голову.

– Так я её в стирку кинул, – нашёлся он.

– Я всё бельё постирала. Полосатой майки там не было, – угрожающе произнесла жена. Дело принимало серьёзный оборот.

ХОДЯЧИЙ АНЕКДОТ

Студенты, которые ничего не знают, бывают двух разновидностей: молчащие и говорящие.

С теми, которые молчат, преподавателю грустно и скучно. Зато вторые – кладезь юмора и удовольствия для всех окружающих. А для кавээнщиков их ответы бывают находкой.

Был и у нас, правда, на другом факультете, такой студент-вечерник. Помню только, что звали его Володя. Вот только два перла из его экзаменационных ответов.

Преподаватель:

– Так в каких единицах всё-таки измеряется скорость?

Пожатие плечами.

– Ну, как же? Вы – шофёр и не знаете, чем измеряется скорость?

– А, спидометром! – обрадовался студент.

– Ну, ладно, пусть спидометром. А на спидометре что написано?

Володя, подумав, восклицает радостно: – Шестьдесят!

На этом его познания были исчерпаны. А вот второй его шедевр, уже на экзамене по технологии материалов.

Преподаватель: – Что такое подача?

Володя: – Это в каком смысле?

– Ну, конечно же, не в таком, – преподаватель делает выразительный жест рукой, слегка щёлкнув себя по шее.

– А, тогда не знаю, – разочарованно протянул Володя.

СВЯТАЯ ВОДИЦА

Этот эпизод случился в пятидесятых годах прошлого века. Группа студентов боролась за урожай «на картошке» в колхозе. Однажды ребята готовились отметить день рождения своего одногруппника. Как водится, закупили винца и родственного ему продукта у местной самогонщицы. Вечером, конечно, как следует поздравили виновника торжества. Благо – запас сделали приличный, чтобы за допайком бегать не пришлось.

Надо сказать, что жили ребята в хате у одинокой старушки. Всё спиртное до вечера они спрятали на антресоли над дверью в своей комнате, чтобы куратор не обнаружил. А вечером, во время пирушки, извлекали бутылки с антресоли по мере их опустошения.

Когда вино закончилось, в ход пошла самогонка. Ребята поднакачались основательно, но всё-таки почувствовали, что последние две бутылки самогонки были какими-то, мягко говоря, слабоватенькими. Но, тем не менее, выпили и их.

«Ну, самогонщица! Надула. Это же не самогонка, а Бог знает что!» – повозмущались ребята да и завалились спать, вставать-то раненько…

А наутро старушке что-то понадобилось на той же антресоли. Хлопцы уже собирались выходить, но вдруг услыхали, как она запричитала:

– А хлопчыки ж вы мае, а родненькия! А што ж ета вы нарабили?! Вы ж усю маю святую вадзицу папили!

Тогда только ребята и поняли, до какой кондиции они дошли, если не сумели отличить святую водицу от самогонки.

ТОЧНЫЙ РАСЧЁТ

Работал когда-то у нас на заводе начальником одного из цехов человек, имевший только среднее образование. Раньше таких работников называли выдвиженцами. Но жизнь и время, когда вокруг много дипломированных инженеров и техников, заставили и его идти учиться. Поступить-то в техникум на вечернее отделение он поступил, но начинать учиться, когда тебе уже за сорок пять, тяжеловато. Но как бы там ни было, он всё-таки учился. Не всё шло гладко, учёба давалась с трудом. Где-то его выручала шпаргалка, а где-то смекалка. Да и на возраст ему делали скидку.

Однажды на экзамене по технической механике он понял, что его ждёт полный завал. Мало того, что вопросов не знает, так и задачу не может решить.

Что тут делать?! И он решил пойти ва-банк. Или пан или пропал!

Про преподавателя, ещё более солидного возраста, он знал, что тот выпивоха. Да и сам он был далеко не безразличен к этому делу.

И вот он пишет на листке бумаги: «У меня есть пятнадцать рублей, а в семь часов закрывают».

«Написал, – говорит, – и сижу, ем его глазами». А он ходит возле доски и не замечает. Наконец обратил внимание и спрашивает:

– Ну, что там у тебя, Журавлёв?

– Да вот задачка не получается, – и он подтолкнул листок к преподавателю.

Тот взял лист, прочитал, посмотрел на Журавлёва, опять взглянул на лист, опять на Журавлёва и говорит:

– Хм, так у тебя же всё правильно!

В течение десяти минут экзамен был завершён. А потом, уже остограммившись, преподаватель и спрашивает:

– Как это ты решился так написать?

– Да просто я понадеялся, что вы не станете позорить меня перед детворой, – ответил находчивый студент.

ДУБЛЁР

Сессия была уже почти за плечами – оставался один экзамен – «Деревянные строительные конструкции». Студентки четвёртого курса Люда и Люба, близнецы по происхождению, «повышенные» стипендиатки, уже готовились выходить в университет.

– Что-то я сегодня не в своей тарелке, – говорит Люда, – сильно голова болит и крутит, как при простуде. Может, Любушка, сдашь сегодня за меня экзамен?

– Ну, ты даёшь! А вдруг он разоблачит?!

– Да ну, о чём ты говоришь?! Они же все нас только по одёжкам и различают. Сдашь за себя, потом в общаге переоденешься, возьмёшь моего Серёжу под ручку и вернёшься в универ. Тем более что Деревяшка хоть и любит нас, но, как и все, не различает.

Чего долго тянуть резину. Сказано – сделано. Сдала Люба «свой» экзамен, быстренько переоделась в общежитии в костюм «Людмилиного цвета» – и снова в аудиторию.

Билет нормальный, всё понятно, но, для приличия, Люба сидела за столом, делая вид, что усердно обдумывает ответы.

Наконец её очередь к столу Деревяшки, как любовно студенты называли своего препода. Иван Фёдорович внимательно выслушал ответы по билету, задал пару дополнительных вопросов, аккуратно поставил в зачётку «отл.», но, отдавая её, улыбаясь, заметил: «А всё же сестра знает предмет лучше».

ПЕРЕСДАЧА

Однажды на зачёте по гидравлике Фёдору, по «закону подлости», попались вопросы, по которым при подготовке он прошёлся слишком бегло. Он не стал «плавать» и отказался от ответа.

При повторной подготовке Федя, конечно, в первую очередь проработал эти злополучные вопросы, как говорится, «от и до». Пересдавать зачёт пошёл с другой группой и даже с другого факультета. Группа уже «усердно» готовилась, исподтишка списывая со шпаргалок.

Федя взял билет и внутренне возликовал – опять те же самые вопросы! Он сел за первый стол, собрался с мыслями, и минут через пять-шесть спросил: «Можно отвечать?»

С умным видом на чистом листе он от начала и до конца не спеша расписал все выкладки, вывел все формулы по обоим вопросам, получил «зачёт» и ушёл с чистой совестью.

Назавтра ребята из этой группы отловили его в коридоре и, прижав к стене, заявили: «Ты паразит! Ты всю нашу группу подвёл под монастырь! Как только ты ушёл, она

спрашивает: «Так вы поняли, как надо отвечать?» – и завалила полгруппы. Чтоб ты к нам больше никогда не совался. Побьём. Твою вину немного смягчает только то, что ты её хоть на десять минут от нас отвлёк».

ПОДКИНУЛИ

В университете ввели новую структурную единицу – «Бюро пожарной безопасности». А так как свято место пусто не бывает, нашёлся и начальник бюро – отставной офицер с образованием по профилю, В. В. Величкевич. Он активно, а главное, эффективно взялся за организацию службы и наведение порядка в противопожарном отношении. Студенты очень быстро запомнили его и в лицо, и по имени-отчеству.

В первую очередь он подготовил приказ ректора о запрещении курения в учебных корпусах и общежитиях университета, и сам же периодически осуществлял контроль его выполнения. Провинившиеся «приглашались» на аудиенцию к ректору. Студенты, конечно, втихую покуривали, но, будучи солидарными, при его появлении немедленно подавали сигнал тревоги.

Однажды он застал одинокого задумавшегося юношу курящим в коридоре общежития. Когда тот увидел «пожарника», как его называли студенты, было поздно. От неожиданности бедолага тут же сунул окурок в карман брюк.

– Ну что, покуриваешь? – спрашивает начальник бюро.

– Да нет, дышу свежим воздухом. В комнате жарко, – развёл он руками.

– А почему дым из кармана идёт?

Студент быстренько сунул руку в карман, вытащил дымящийся окурок и удивлённо воскликнул: – Ой, Валерий Валерьянович! Подкинули! Даже не заметил когда.

Конечно, за находчивость он был прощён.

РАЗГОВОР, СЛУЧАЙНО УСЛЫШАННЫЙ В ПАРИЛКЕ

– Что это ты, Вася, сегодня какой-то задумчивый?

– Да вот сынок сегодня порадовал. Говорит: «Ну, всё, батя! Я уже инженер, да не просто, а, как мне сказали, уникальный».

– Это как – уникальный инженер? – спрашивает собеседник.

– Так он же шестнадцать лет в этом институте учился. А сегодня ему диплом вручили. А вручал бывший однокурсник…, с которым он вместе поступал. Тот, правда, уже профессор, чуть ли не ректор. Поздравил он его и говорит: «Рад за тебя, Александр. Наконец-то ты покинешь стены нашего вуза. Ты у нас уникальный выпускник с таким стажем», – и тяжело вздохнул.

– Наверно, он всё-таки облегчённо вздохнул, – засомневался собеседник. Но рассказчик ничего не ответил.

«ЩИКАТУРКА»

На Яблочный Спас Ирина купила десяток яблок и пошла в церковь освятить их. Благообразный батюшка отслужил положенную службу и перед тем как освятить яблоки, обратился ко всем собравшимся со словами:

– Дорогие прихожане, видите: храм наш облупился, красочка облезла. Но вот нет у нас ни краски, ни щикатурки. Если бы каждый прихожанин принёс по одному доллару, мы бы купили краски, сделали щикатурку и ремонт.

Ирине так понравилось слово «щикатурка», что она, прижав яблоки одной рукой к груди, другую подняла повыше, как когда-то в школе. Батюшка обрадованно вытянул шею в её сторону в надежде, что вот уже и первая прихожанка откликнулась.

– Что ты хочешь сказать, дочь моя?

– Батюшка, а со своей щикатуркой можно приходить? – еле сдерживая смех, спросила Ирина. Глаза у батюшки сразу потускнели и шея втянулась обратно. Старушки-прихожанки зашикали на неё со всех сторон и начали толкать локтями. Яблоки попадали на пол и раскатились под ногами прихожан. Так и пришлось ей уйти из церкви без освящённых яблок. А чей-то ехидный мужской голос произнёс ей вслед: «Наверное, за щикатуркой пошла».

СУД СКОРЫЙ, ПРАВЫЙ

В суд староства* Лаздинай города Вильнюса поступил иск от господина Навицкаса Семёна Израилевича в том, что его сосед, Соркин Илья Лазаревич, обозвал его жидом

Зачитав жалобу Семёна Израилевича, судья выдержал небольшую паузу и вынес вердикт: «В связи с тем, что в литовском языке отсутствует слово «еврей», а имеется слово «жид», жалобу отклонить».

*Староство – так называются районы г. Вильнюса.

СТАРУШКА-ВЕСЕЛУШКА

Сидел я как-то в одиночестве на остановке, ожидая троллейбус. Вскоре возле меня остановилась старушка – сгорбленная, с палочкой в одной руке и с пакетиком в другой. Божий одуванчик, да и только. Но старушка оказалась очень весёлой.

– А чего ты не уехал на том троллейбусе? – спрашивает.

– Да вроде как не по пути оказался, – говорю.

И она начала рассказывать мне разные свои житейские истории. А потом, выговорившись, спрашивает:

– Вот видишь, нос разбит?

На носу и в самом деле была солидная ссадина.

– Где же это вам так повезло?

– А на ровном месте, – говорит она весело. – Шла, шла, да и загремела вон там, – показала она своей клюкой вдоль улицы. – Лежу, – говорит, – и только собираюсь подниматься, как какая-то женщина остановилась возле меня и спрашивает: «Ты чего тут разлеглась?»

– Посмотрела я на неё и думаю – дура-не-дура? Спрашивает, вместо того чтобы помочь подняться. Иди, иди, – говорю, – не мешай. Я тут плитку считаю.

Побалагурила бабушка со мной ещё немного и пошла в том направлении, где вчера упала.

– Осторожно идите, не падайте больше, – крикнул я ей вслед. Она, не оборачиваясь, махнула мне своим кийком и продолжила путь.

А я позавидовал её жизнерадостности и бодрости духа, несмотря на согбенную годами щупленькую фигурку.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Самым сложным вопросом для Катерины было – кого пригласить на свой юбилей.

Ольгу Сорокину? Надо бы, но слишком уж она красивая – все мужики именно на неё и будут пялиться. А ведь только именинница должна быть самой красивой на своём празднике.

Марину? Весёлая и разбитная, тоже завладеет вниманием мужской части.

Галку? Эту можно. Хоть и красивая, но хозяйку не затмит.

Татьяну – муж к ней неравнодушен. Но её можно усадить подальше…

В конце концов список гостей был составлен таким образом, чтобы ничто не омрачило праздник имениннице.

Для торжества Катерина купила великолепное платье, достойное королевы бала.

В нём она была прекрасна и выглядела значительно моложе своих лет.

Гости были уже почти все в сборе, когда в зал вошла Татьяна… точно в таком же, как и у именинницы, платье, купленном специально для юбилея подруги.

Она была великолепна. У гостей, в том числе и у мужа Катерины, вырвалось: «О-о-о!»

От хорошего настроения королевы бала, увы, не осталось и следа.

КАК ВАСИЛЬ ТКАЧЁВ КАРПОВ КОРМИЛ

Однажды облисполком организовал в Житковичах совместный семинар Гомельского отделения Союза писателей и отделения Союза журналистов. Семинар проводил глава района Пётр Николаевич Савицкий. После теоретической части нас повезли знакомить с живым, так сказать, районом, с его достижениями и достопримечательностями.

Потом нас порадовали своими успехами и прекрасным фуршетом мелиораторы и повезли в Житковичский рыбхоз. Я никогда, да, наверное, и не только я, не видел, как разводят рыбу промышленным способом. Весьма впечатлило, как важно плавают сначала в длиннющих лотках, а потом в огромных бассейнах здоровенные карпы, в локоть длиной. Я попытался поймать одного, но он так хлопнул хвостом по воде, что залил мне даже очки.

А наш именитый драматург Василь Ткачёв снял с головы бейсболку, насыпал в неё рыбьего корма и начал кормить рыбу прямо в лотке. Но когда корм кончился, одна рыбина, не будь дурой, ухватила бейсболку зубами, накинула себе на голову и шустро нырнула на дно лотка. Василь погнался за ней, пытаясь отвоевать своё имущество.

«Имей совесть! – кричит. – Зачем тебе моя кепка? Тебе же ни зонтик, ни кепка ни к чему!» Но только вымочил рукава по локоть, а карп в бейсболке уже плавал в бассейне среди друзей и хвалился: «Это вам не кепка какого-то там Лужкова, мэра московского, а самого Василя Ткачёва бейсболка!»

МИР ТЕСЕН

Как-то в столичной гостинице «Минск» я двое суток жил один в двухместном номере. Честно говоря, даже скучновато было.

И вот в последние сутки командировки, уже под вечер, сижу, смотрю по телевизору какую-то передачу, как вдруг в комнату прямо-таки врывается, как метеор, кругленький толстячок с очень добродушным лицом. Он удивлённо посмотрел на меня и воскликнул:

– Как! Вы не смотрите футбол?! – И не очень-то добиваясь моего согласия, пробормотав что-то неразборчивое вроде извинения, он быстренько переключил телевизор на свой любимый футбол.

Болел он, конечно, здорово. Всплёскивал руками, вскрикивал, подпрыгивал на стуле, как мяч на экране… Я больше наблюдал за ним, чем за футболом.

В перерыве между таймами мы познакомились и разговорились. Он, Михаил Иванович Панфилов, оказался главным врачом одной из слонимских поликлиник.

Я ему говорю:

– В Слониме я ещё ни разу не был, но единственный человек, которого я там знаю – это Салита Пётр Андреевич, с которым однажды целых два месяца был на курсах повышения квалификации.

Мой сосед опять подпрыгнул на стуле.

– Да это же мой лучший друг! – радостно воскликнул он, – я у них, можно сказать, семейный доктор!

Так у меня в Слониме появился второй знакомый человек, и я в очередной раз убедился, что мир тесен.

СИГАРЕТЫ

– Товарищ, у вас закурить не найдётся?

– Пожалуйста, – говорю я, открывая пачку сигарет, и протягиваю её парню, проходившему мимо моего купе.

– Извините, нас трое…

– Ничего, ничего, – улыбнулся я, – пожалуйста.

Минут через несколько снова голос: – У вас сигаретка найдётся?

Я опять протягиваю пачку.

– Нас двое, – молча показывает «клиент» два пальца. Я согласно киваю головой.

Так и пошло – «стрелки» являлись регулярно, с интервалом в пять-десять минут. Я уже давно перестал подавать пачку и лишь указывал на неё кивком головы.

Прошло какое-то время, а ко мне никто не обращался со ставшим уже привычным вопросом – «разрешите закурить?» Даже скучновато стало, и я задремал. Вдруг сочный бас над ухом заставил меня вздрогнуть.

– Слышал я, у вас тут сигаретки имеются? – И добавил не то вопросительно, не то утвердительно: – Разрешите?!

– Пожалуйста, курите на здоровье, – указал я на столик, отодвигаясь под напором его живота.

– Вот спасибо, все говорят, хороший человек. Правильно говорят.

Он взял пачку, заглянул внутрь и презрительно посмотрел на меня.

– Эх вы! А ещё пожилой… с усами… и с виду интеллигентный. – Он бросил пустую пачку на столик и вышел из купе.

Тут мне и самому захотелось курить! Я закрыл купе и пошёл в вагон-ресторан за сигаретами. Но он почему-то оказался закрытым. И мне стало понятно, почему на мои сигареты оказался такой спрос.

УГОЩЕНИЕ

После обеденного перерыва наш нормировщик Виктор Эммануилович Каган прибежал из магазина с целой сеткой водки «Охотничья».

– Куда вам столько? – спрашиваю.

– Ты понимаешь, она так редко бывает! Дешёвая и неплохая. Запас карман не тянет, – ответил он и пошёл искать бумагу, чтобы завернуть покупку. Говорит:

– Неудобно так её в сетке нести. Неправильно поймут.

Как только он вышел, я взял одну бутылку, положил в ящик своего стола и продолжал работать, ожидая, как он будет реагировать на пропажу – то ли решит, что его обсчитали, то ли что кто-то «слямзил», может даже и я.

Вскоре он вернулся с бумагой и аккуратно упаковал все бутылки. Пропажу он не обнаружил, и я решил, что замысел сорвался, но бутылку не отдал. Когда мы уже собирались идти домой, я извлёк её из ящика, решив вернуть хозяину.

Каган тут же воскликнул:

– О, и ты себе «Охотничью» купил! Хорошая водка.

Я тут же изменил решение и сказал обтекаемо:

– Да вот не знаю, как с ней поступить.

– А что тут знать? С водкой не поступают, её пьют.

– А где же мы её выпьем? – говорю.

– Какие проблемы? Пошли ко мне!

Несмотря на разницу в возрасте, мы с ним дружили и я частенько бывал у него в гостях. Так и в этот раз жена его, Татьяна Матвеевна, нажарила картошечки, выставила помидорчики и прочую снедь.

Бутылка «Охотничьей» ушла незаметно. Кагану показалось маловато, и он выставил ещё одну. Вечер удался на славу. А назавтра, да и не только назавтра, а ещё долго после этого, он сначала мне, а потом и остальным нашим коллегам с восторгом рассказывал, как я его угощал его же водкой. Очень уж понравилась ему моя шутка.

«ЗАКАЛЁННЫЙ»

Работал у нас на заводском складе грузчик Федя. Замечали за ним одну странность – и летом и зимой Федя приходил на работу в тенниске. Конечно, зимой это вызывало удивление у встречных, но за ним, на расстоянии трёх-четырёх шагов, всегда следовал его коллега по складу и разъяснял прохожим: «Вы думаете, что ему надеть нечего? Нет, это он такой закалённый, он всегда так ходит».

Но, придя на работу, Федя сразу же надевал телогрейку и не снимал её до конца рабочего дня.

Однажды я поинтересовался:

– А почему ты на работу идёшь в одной тенниске, а потом целый день в телогрейке ходишь?

– Так я пока дохожу до работы в тенниске, весь вчерашний хмель выходит, а на работе согревающего никак

принять нельзя – Петрович, завскладом, шибко ругается. Вот и приходится согреваться телогрейкой, – раскрыл свой «секрет» Федя.

По дороге домой он, как правило, поддерживал свой утренний имидж, благо жил не очень далеко.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ РЕБЁНОК

– Дед, хочешь, я тебе что-то покажу? – спросил шестилетний Миша, когда Иван Васильевич пришёл в гости к сыну. Дома внук был один, и поэтому некому было запрещать ему сидеть у компьютера.

– Давай, – согласился Иван Васильевич. Миша покрутил мышку, нажал на какие-то клавиши, и глазам Ивана Васильевича предстали картинки откровенного секса.

– Где ты, Миша, этому научился? – спрашивает он.

– А папа любит смотреть эти картинки.

– Ну, я думаю, что тебе ещё рано их смотреть. Смотри лучше какие-нибудь мультики.

– А я и мультики смотрю. Дед, а что такое любовь?

– Ну, – задумался Иван Васильевич, – любовь – это когда мужчина и женщина долго встречаются друг с другом, часто вместе ходят в кино, нравятся друг другу и даже целуются. – Выдав эту формулировку, Иван Васильевич облегчённо вздохнул. Но рано. Заинтересованность внука этим не ограничилась.

– Дед, а чем отличается любовь от секса? – усложняет вопрос Миша.

– Ну, – растерялся от неожиданности Иван Васильевич, – любовь – это когда люди целуются одетыми, а секс – это когда они целуются голыми, – наконец нашёлся он, глядя на картинку.

– Э, дед, ты далеко проехал, – глубокомысленно произнёс Миша и ненадолго замолчал.

Был уже поздний вечер. Троллейбус приехал на мою остановку, и мне не удалось довести до конца разговор со случайным, но интересным собеседником, Иваном Васильевичем, и узнать – в какую же сторону между любовью и сексом проехал Мишин дед.

АНОНИМКА

И. И. Кривко-Завидовский взял лист бумаги, ручку, собрался с мыслями и написал: «В Следственный комитет.

Заявление.

В рекламном ролике магазина «Всё для кляузника» говорится, что в магазин поступили новые товары:

1. Свиньи подкладные
2. Шпильки ядовитые
3. Ямокопатели портативные
4. Утки надувные
5. Пособие «Начинающему клеветнику»
6. «Краткий справочник плутократа»

При ближайшем знакомстве с вышеперечисленной номенклатурой товаров оказалось: свиньи подкладные не свиньи, а поросята-недокормыши. Шпильки ядовитые – тупые и никуда не годные. Ямокопатели копают под

хозяина. Утки надувные лопаются, как мыльные пузыри. Пособие «Начинающему клеветнику» давно устарело и не соответствует требованиям времени. «Краткий справочник плутократа» скорее напоминает словарь по этике.

Прошу разобраться с качеством реализуемых в магазине товаров».

И привычно подписал: Доброжелатель.

«Какой яркий и необычный сон, – подумал И. И., проснувшись, – надо бы запомнить, может, когда и пригодится».

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР ДВУХ КОТОВ

– Ты чего такой худющий?

– Да хозяин попивает, а меня и не кормит совсем.

– Ну так мышами питайся, или ты не кот?

– На наших мышах не растолстеешь. Чтобы стать таким, как ты, знаешь, сколько нужно мышей? Миллион. А может, и больше. А где мне их взять, если в квартире, кроме пустых бутылок, ничего нет? Какие там мыши? Все обои обгрызли и всё равно полудохлые, смотреть жалко. Вот так и живу.

А нанюхаешься остатками водки в стаканах, да где разольётся, и на пустой желудок валяешься пьяный вместе с хозяином. Да! Слушай, ты ведь зажиточно живёшь – приходи ко мне со своей закусью. Побалдеем!

РАЗВИДНЯЕ

– Тётка Хадора, дай апахмялицца, – еле ворочая языком, пробормотал Василь, местная достопримечательность.

– Иди ужо отсюда. Где налакаўся, там и апахмяляйся. Бачила учора, як тябе тягнули ды пад заборам, як сабаку, кинули.

– Ну, тётка Хадора, – продолжал канючить Василь, – памираю, у вачах тёмная ноч.

– Иди ужо, ничога не дам, – сказала Хадора и пошла в огород.

– Подожди, – подмигнув Василю, произнёс Михась, сын Хадоры, – пусть она подальше уйдёт.

Когда Хадора скрылась из виду, Михась завёл Василя в хату и налил ему шкалик Хадориной самогонки. Василь выпил и снова протянул шкалик, – «нали ящэ чуть».

Выпил ещё шкалик, и оба вышли на двор, сели на лавку. Минут пять сидели молча, и вдруг Василь начал неудержимо хохотать.

– Ты чего? – удивлённо спрашивает Михась.

– Развиднять у вачах начала, – сквозь хохот выдавил Василь, – от спасибо табе, Михась, спас ты мяне ад пагибели.

– Што, налил яму усё-таки? – спросила вернувшаяся Хадора.

– Так помирал ведь человек, а теперь видишь – «развиднять начала», говорит.

ГЛАВНЫЙ ПУНКТ

Семейный дуэт, Петро и Авдотья, скучали перед телевизором. Авдотья пультом «бегала» по программам, но ни одна передача как-то не увлекала. Сплошь – всё одни сериалы да боевики. О! Ток-шоу доктора Агапкина «О самом главном». Здесь всегда что-нибудь интересное бывает. И не обманулась.

Шоу началось действительно с интересного вопроса – сколько лет жизни теряет женщина, не получая оргазма во время…

Авдотья многозначительно посмотрела на Петра. Участники шоу давали разные оценки – от двух до двенадцати лет. Медики на основании науки или собственного опыта утвердили два года.

– Вот так, – укоризненно произнесла Авдотья. Петро скромно промолчал. Следующим вопросом оказалось, что женщинам вредно спать со светом, и если муж в это время читает, то женский организм не вырабатывает что-то там полезное, какой-то мелатонин, типа гормон, и женщина теряет ещё восемь лет жизни.

Последний вопрос, который обсуждался на этом «токе», на сколько сокращается жизнь женщины, если мужчина курит в комнате. Оказывается, ещё на целых десять лет!

Петро приосанился и бодрым голосом говорит:

– Видишь, Авдотья, на сколько лет я тебе жизнь продлеваю! Не курю – это десять лет, а книжек я вообще не читаю – это ещё восемь. Ну, правда, по первому пункту не всегда –

минус полтора-два года. Но всё равно получается, что я тебе аж на целых шестнадцать лет жизнь продлеваю. Понятно?

– Да понятно. Но лучше бы ты книжки читал, а я спала со светом, и пусть было бы минус восемь, но чтоб по первому пункту было не минус два, а плюс два.

Петро молча проглотил эту реплику.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

– А чем ты там занимаешься?

– Чем, чем.… Печатаю.

– А что ты печатаешь?

– Ну, что на компьютере можно печатать? Баксы печатаю.

– Обманываешь. Стукни-ка пару раз по клавишам, чтобы я услышала…

– Ну да! Я стукну пару раз – и вместо ста баксов получится двести. Где я их потом разменяю?..

ФУЖЕР ШАМПАНСКОГО

– А кто сможет выпить шампанское из фужера, стоящего на столе, не касаясь руками? – прозвучал вопрос, когда веселье приближалось к апогею.

Конечно, нашлась и смелая женщина.

Это была именинница. Мужчины ведь после водки боятся шампанского, а женщины, как правило, предпочитают пить только шампанское да сухие вина.

Молодая и красивая именинница решительно подошла к столу и наклонилась над фужером с выпуклыми боками. Чтобы дотянуться губами до вина, ей пришлось прижаться к фужеру. Она втянула первую порцию вина, и фужер на треть опустел, но губы её начало затягивать в бокал. Она попыталась втянуть ещё немного вина – губы ещё сильнее потянуло внутрь.

Именинница уже хотела прекратить эксперимент и освободиться от фужера, так как не только губы, но и часть лица, соприкасавшаяся с фужером, оказалась втянутой в него. Губы через стекло бокала выглядели уже как у Маши Распутиной после накачки силиконом.

Сначала всем было смешно и весело, но не нашей героине. Ей было уже не до смеха. Бокал сыграл такую же роль, как медицинские банки, которые когда-то ставили на спину при простуде. Бедняжка попыталась оторвать его от себя, но не тут-то было. Фужер держался мёртвой хваткой.

С большим трудом, с помощью ложки, наконец-то удалось выручить героиню вечера. Но бокал сделал своё чёрное дело. Дня три именинница не могла выйти даже на работу, так как вокруг рта был чётко очерчен фиолетовый круг.

МОЛОКО НА ПОХМЕЛЬЕ

Утром тётка Мария взяла подойник и направилась в хлев. Настроение было неважное. Её Василь не ночевал дома. Вообще-то такое редко, но иногда случалось, поэтому Мария особенно не переживала – опять у какого-нибудь дружка-собутыльника заночевал. Найдётся. Ничего с ним не случится. С такими мыслями она и вошла в хлев.

Ещё только войдя, она услышала какой-то странный аромат, который перебивал все запахи коровника.

Распахнув дверь пошире, она ужаснулась: её Рогуля стояла вся облёванная и от неё неимоверно разило самогоном. Корова жалобно глядела на Марию мутными глазами.

– А, Божечки! Да что ж это такое?! Уж не с Василём ли моим ты где так набралась?!

Мария схватила тряпку, ведро с водой и принялась обмывать корове голову. Это же надо! Молоко ж теперь, наверно, что самогонка будет! Вдруг на сеновале послышались странные звуки. Мария насторожилась, поднялась по лестнице и увидела на сене своего похрапывающего муженька, голова которого свисала прямо над коровой.

– Ах ты, паразит ты такой! А ну-ка слазь быстро. Вот я тебе сейчас! – и она замахнулась на Василя мокрой тряпкой. – Молоко испоганил. Теперь им, наверно, только и можно, что похмеляться.

Василь приоткрыл один глаз, но, услышав слово «похмеляться», тут же оживился, открыл оба глаза и пробормотал:

– Ну, тогда налей стаканчик.

ХАРАКТЕРИСТИКА

За время работы гр. Витиеватов Пётр Петрович показал себя как слишком грамотный специалист. Требователен к руководству. Хорошо знает обязанности администрации. Непримирим к чужим недостаткам. Пользуется авторитетом в узком кругу ограниченных лиц. Любит работать

языком. Любознателен, стремится узнать всё обо всех. Строго следит за порядком в других отделах. Продуктивно использует рабочее время в личных целях.

Характеристика дана для представления по новому месту работы.

МЕСТЬ

Ранним утром в воскресенье, а может не таким уже и ранним – стрелка будильника почти дошла до семёрки – Иван сидел у себя во дворе и методично стучал молотком по доске. Постучит-постучит, посидит немного, и опять стучит.

Жена удивлённо спрашивает:

– Иван, тебе что, заняться нечем, что ты дурака валяешь?

– Да я Ваське отомстить хочу за вчерашнее. Разозлился я на него.

– Дурной ты, что ли? Это ты мне на нервы действуешь, а не ему. А он, наверное, дрыхнет хоть бы что.

– Э нет, не скажи. Подожди немного.

Через несколько минут послышался крик Васькиной жены: «Васька, паразит! Подымайся уже, алкоголик несчастный! Только и знаешь, что пить да спать, а люди вон уже давно работают».

НОВШЕСТВО

– Вась, а правда, хорошо, что в нашем районе открыли ночной магазин? – потягиваясь в постели, говорит Маруся. – Как-то сразу меньше проблем стало. В любое время можно купить всё, что нужно.

– Хорошо-то хорошо, да мужики говорят, зря запретили ночью спиртное продавать. Да и милиция, кажется, не очень довольна.

– С чего бы это?

– Ну, так патрули не нужны по ночам, на разборки пьяные не нужно выезжать. Значит, численность могут сократить…

– Ну, Вась, зачем сокращать?! Наш народ найдёт, чем занять милицию, чтобы у неё не было слишком много свободного времени.

– Может, ты и права, – согласился Василий.

– Вась, а сходил бы ты за хлебушком, а то завтракать не с чем будет, – говорит Маруся обнимавшему её мужу.

– Да ну тебя. Полпервого ночи, – недовольно пробурчал Василий. – Давай лучше потом схожу.

– А после «потом» ты спать захочешь. Давай «потом» лучше потом. Заодно купи молока и десяток яиц.

Василий нехотя вытащил руку из-под головы жены, поднялся с кровати и начал натягивать брюки.

В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Стремясь к добру,
Не говори плохого,
И не услышишь сам
Дурного слова.

Сказание о Бахраме Чубина
из «Шахнаме» Фирдоуси

Ситуация в троллейбусе не редкая – молодой человек сидит, а чуть позади него стоит, мягко говоря, пожилой мужчина с тросточкой. Парень не видит его, но сзади вдруг вполголоса начинается разговор.

– Вот она вся теперь такая молодёжь, – говорит женщина лет около пятидесяти, – старик будет стоять, а они сидят хоть бы что, и вроде как и не видят.

– Да ладно, будет вам, постою, – отвечает старичок.

Молодой человек вначале не обращает внимания на диалог сзади – он занят разговором с девушкой, но постепенно до него доходит, что разговор о нём. Он оглянулся. Увидев старика, смутился и поспешно предложил:

– Садитесь, пожалуйста.

Но женщину такой поворот не удовлетворил.

– Уступил наконец-то, – презрительно продолжила она, – мог бы и раньше догадаться.

Парня задело за живое, но он не подал вида:

– Что вы, бабушка, так возмущаетесь? – вежливо произнёс он, сделав ударение на «бабушка». – Я всегда уступаю место пожилым мужчинам и таким старушкам, как вы.

Окружающие засмеялись, так как женщине по виду было ещё очень далеко до старушки.

Она вспыхнула алым цветом и поспешила к выходу.

На её счастье, троллейбус остановился, и уже возле двери она обернулась и, бросив – «нахал», выскочила из троллейбуса.

Пассажиры снова засмеялись.

АПЕЛЬСИНОВЫЕ КОРОЧКИ

Доктор посоветовал бабушке для аппетита перед едой выпивать тридцать-сорок граммов водки. Бабушка купила в магазине раз-другой бутылку водки, а потом начала стесняться покупать.

Но вот кто-то научил её «выгонять» самогонку в двух кастрюльках, без всякого самогонного аппарата. Получалось очень даже неплохо, и, главное, никакая милиция не подкопается. Потом бабушка очищала самогонку с помощью марганцовки, активированного угля, ещё чего-то там… А для вкуса она добавляла траву зубровку, анис, апельсиновые или лимонные корки, дубовую кору. В общем – всё, что было под рукой. И все, кто пробовал, причмокивали языками.

Алинка однажды видела, как бабушка всё это делает, и только спросила:

– Бабушка, а для чего тебе эта самогонка?

– Это мне лекарство такое доктор прописал для аппетита, – говорит бабушка.

– А почему ты мне не даёшь это лекарство, когда я не хочу кушать?

– Ну, это лекарство только для таких старушек, как я.

– А дядя Федя, который всегда пьяный, тоже для аппетита пьёт?

– Наверно, у дяди Феди совсем плохой аппетит, – ответила бабушка.

Однажды, когда Алинка с бабушкой ехали в автобусе, сидящая рядом тётя угостила её апельсином. Она очистила апельсин от кожуры, сложила её в пакетик и говорит:

– Потом выброшу.

– Не нужно выбрасывать! – громко воскликнула Алинка. – Мы с бабушкой лучше её потом в самогонку добавим. Знаете, как вкусно будет?!

В автобусе раздались аплодисменты, и все с интересом посмотрели на Алинку и её бабушку.

СИБИРСКАЯ РОДНЯ

Виктор, выпускник авиационного училища, которого родные почему-то называли «Виталя», привёз свою молодую красавицу жену в сибирское село в Саянах знакомить с родителями.

Валентина, юная хрупкая девушка в костюмчике сорок четвёртого размера, волновалась: как-то примут её новые родственники?! И, оказалось, волновалась не зря.

Свекровь, полногрудая статная женщина, посмотрела на невестку и спросила у сына, думая, что та не слышит:

– А что, других девок не было?

– А я лучшую из лучших выбрал, – засмеялся Виталя, заметив, как краска залила лицо жены, и начал знакомить её с родственниками.

Валентина надеялась, что на этом её огорчения закончились, но в разгар обильного сибирского застолья соли добавил подвыпивший отец Виктора.

– Вон глянь, Виталя, – показал он рукой куда-то за окно, – дружок-то твой, Сашка, какую взял – по́вна, до́бра!.. – произнёс он сибирским говорком, – больше центнера весит! Лифчики десятого размера носит! А мамка твоя, глянь-ка! За такой женой, как она, и мужику благодать – зимой согреешься, а летом и в тени можно спрятаться, – выдал он, показывая на супругу.

Валентина сидела тихо, как мышь под веником, чуть не плача от обиды и стараясь спрятать свою грудь под стол. Свёкор понял, что переборщил в своих шутках и, погладив невестку по спине, добавил:

– Ну, ничего, дочка, откормим. Будешь и ты лифчики под заказ шить.

Валентина поняла, что всё это шутки и не стоит придавать им значения, а тут ещё и Виктор, наклонившись, шепнул на ушко: «Глянулась ты мамке с папкой…»

И справедливости ради надо добавить, что впоследствии, когда они начали со свёкром ходить в горы, в лес по грибы, да по ягоды, да на рыбалку, Валентина и он стали большими друзьями. Но откормить её до их заветных размеров родителям Виктора так и не удалось. Только родившиеся потом внучки оправдали их надежды.

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Баня в военном городке закрыта на ремонт. А ремонту, как говорится, конца-краю не видно. Наверно, пока насекомые по людям не поползут, говорит народ.

Наташа, жена старшего лейтенанта, знала, что на окраине работает санпропускник, где моются солдаты, а в связи

с ремонтом бани для вольного народа определили два дня – среда и четверг.

– Пошли, Валюша, в санпропускник, помоемся, – зовёт она подругу, – сегодня должен быть женский день.

Не дошли метров сто, и у Валентины, как на грех, сломался каблук.

– Ну, ты тут посиди чуток, – говорит Наташа, – а я пойду в разведку, работает или нет.

Через несколько минут Валентина видит разведчицу, мчащуюся на огромной скорости. Длинная сиреневая юбка, как нераскрывшийся парашют, вздымается за её спиной. Задыхаясь, она падает на скамеечку рядом с Валентиной.

– Что случилось? – с тревогой спрашивает Валентина. Но та, кроме как: «Ой, Боже ж мой! Ой, Боже ж мой!» – ничего не может произнести.

Наконец картина прояснилась. Войдя в предбанник, Наталья остановилась, потому что из открытых дверей шёл пар, и её очки с толстенными стёклами мгновенно запотели. Она сняла их и начала протирать. А когда водворила очки на свой курносый носик, от неожиданности потеряла дар речи. Прямо перед ней стояли улыбающиеся солдаты во всей своей красе, голые и мокрые. Не разбирая дороги, Наталья пулей вылетела наружу.

– Ой, не могу! – наконец обрела она дар речи. – Это ж надо! Я же без очков почти ничего не вижу. А тут такое, такое! – опять запричитала она.

– Ну, и что тут такого? – успокаивает её Валентина. – Что ты, мужика голого не видела?

– Да ладно бы одни солдаты! – говорит Наталья. – Так среди них ещё и прапорщик усатый со склада был. Надо

же было этим бестолковым солдатам день перепутать! Среда же это наш, женский день.

– Ну, Наташка, ты и даёшь! Это не солдаты бестолковые! Вечно ты и сама во что-нибудь влипнешь, и меня втянешь. Сегодня же вторник, а не среда! Не зря всё-таки про блондинок столько анекдотов! А про тебя и сочинять не нужно, – закончила свою тираду Валентина и рассмеялась.

– Тебе смешно! А мне совсем не до смеха. Теперь с меня не только ты, все смеяться будут. А муженёк мой ещё и заявит, что я специально очки протирала, чтобы голых хлопцев лучше рассмотреть.

ЩУКА ТОЖЕ ХОЧЕТ ЖИТЬ

Поход на рыбалку почти с самого начала не заладился. Надо сказать, что Уссурийский край весь изрезан реками, их притоками и ручьями. Чтобы напрямую добраться из военного городка Воздвиженка до речки Раковка, рыбакам нужно было перейти ручей шириной метра четыре с хвостиком. На середине глубина была чуть больше метра, поэтому Виталий, как истинный мужчина, усадил жену «на закорки» и шагнул в холодную воду.

Вдруг на середине ручья он споткнулся и неожиданно для себя резко встал на колени. У сидящей на нём Валентины только голова осталась над водой. Она решила, что они попали в яму и это – конец.

С перепугу, что есть мочи сжав мужнину шею, она во весь голос завопила: «Помогите! Помогите! Тонууу!»

Шедшие впереди, уже по ту сторону ручья, сослуживец Виталия и его жена кинулись обратно, но Виталий уже встал с колен и выходил на берег.

– Ты же меня чуть не задушила, – говорит он, задыхаясь, – это мне впору было кричать: «Помогите! Меня душат!»

– А ты бы знал, как я испугалась! Я же плавать не умею.

Спустя полчаса, уже на берегу реки, Николай, тоже молодой офицер, с женщинами раскладывали костёр, подвешивали котелок, а Виталий обеспечивал их сырьём для ухи. На уху рыбёшки уже было достаточно, но он раз за разом забрасывал спиннинг в надежде на большую удачу. И вдруг, на его рыбацкое счастье, спиннинг выгнулся крутой дугой. Щука была с полметра длиной. Счастливый Виталий кое-как вытащил её на берег, подхватил двумя руками, поднял вверх и закричал: «Эй, ребята! Сюда!»

Компания бросилась на крик, сначала даже не поняв, зачем он зовёт, а увидев то, что произошло в следующий момент, не смогла удержаться от хохота.

Щука, извиваясь на вытянутых вверх руках Виталия, изловчилась, изо всей силы отвесила хвостом счастливому рыбаку оплеуху и нырнула обратно в речку.

Конечно, больше такой удачи в этот раз у него не было, но зато воспоминание осталось на всю жизнь.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ

Произошла эта история в самом начале восьмидесятых годов прошлого столетия. Я и представитель нашего министерства во время командировки жили в гостинице Постоянного Представительства Белоруссии в Москве. Я жил

в новой, современной части гостиницы, а мой коллега – в старой. Его часть гостиницы располагалась в здании, которое когда-то благодарные московские купцы построили для Михаила Илларионовича Кутузова в честь победы над французами.

Учитывая то, что Кутузов видел только одним глазом, архитектор спроектировал все комнаты круглыми. В одной такой круглой комнате, в которой радиально располагались аж одиннадцать кроватей, и жил мой коллега.

В пятницу мы закончили все свои рабочие дела и собрались у него в номере вспрыснуть успешное завершение командировки и отъезд. Купили закуски, бутылку коньяка и начали готовиться к ужину.

В комнате в это время уже находился мужчина средних лет с интеллигентной бородкой. Он ходил по кругу и что-то высматривал.

– Что вы ищете? – спросил мой коллега.

– Да вот не пойму, где моя кровать.

– А какой номер у вас записан?

– Одиннадцатый.

Коллега, как «старожил», сразу же указал его место.

Я говорю:

– Обычно в пятницу все уезжают из Москвы, а вы только приехали?!

– Да это я проездом из Новосибирска, – отвечает он.

– Может, присядете с нами поужинать? – спрашиваю, – коньячка по грамульке выпьем.

– Нет-нет, спасибо. Я специально остановился в Москве, чтобы поработать в библиотеке Академии Наук.

Нужно, чтобы голова была абсолютно свежая.

– А у меня в Новосибирске племянник живёт, – говорю я, чтобы поддержать разговор.

– Так я же не в Новосибирске живу. Я только в командировке там был. А вы откуда? – спрашивает он в свою очередь.

– Николай Петрович из Минска, а я из Гомеля, – отвечаю.

– И я из Гомеля, – говорит он. – А где вы в Гомеле живёте?

– На Интернациональной.

– И я на Интернациональной. А в каком доме?

– В 33-м, – отвечаю я.

– И я в 33-м! А в какой квартире?

– Ну, квартиры-то наверняка не совпадут, – засмеялся я. Оказывается, мы прожили восемнадцать лет в рядом расположенных подъездах, а познакомиться пришлось только в Москве. Коньячка ему всё-таки пришлось выпить в честь знакомства.

ТУГОДУМ

Алик – парень среднего роста и такой же упитанности, с походкой ультраборцовского типа, и, хотя ни борьбой, ни каким-либо другим видом спорта никогда не занимался, он ходил, широко разведя руки с согнутыми локтями. Лицо круглое, чуть присыпанное веснушками. Если на нём не блуждает какого-либо рода улыбка, то пухлые губы придают ему выражение детской обиды, а серые глаза не выдают особого интеллекта. Парень, как говорится, прост-

той, как три копейки. Человек он безобидный, и сам редко обижается. Этим его простодушием часто пользуются слесаря бригады и любят подшучивать над ним.

Например, подходит слесарь с ним к огромному двухсоттонному прессу и говорит:

– Алик, упрись спиной в стену, а руками в пресс, наклони его чуть-чуть, а я под него фольгу подложу, чтобы выровнять. (Фольга – это очень тонкая металлическая пластинка). Так-так, ещё немного. Вот так и держи. – А сам начинает разбирать напорный масляный клапан. Через пару минут Алик натужно спрашивает:

– Ну, что, можно уже отпускать?

– Подержи ещё чуток. Сильнее не можешь нажать?

– Попробую. – Через минуту опять:

– Ну, всё? Я уже больше не могу.

– Ну, ладно, отпускай.

Алик опустил руки и вздохнул с облегчением:

– Ну и тяжёлый же, зараза!

ОХ, УЖ ЭТА АРИФМЕТИКА!

Попросил Алик однажды слесаря Васю:

– Слушай, Вась, объясни мне, как подбирать сверло под резьбу.

– Это просто, – говорит Вася, – например, нужно тебе просверлить отверстие под резьбу М18, шаг 2,5 мм. Вот и отнимаешь 2,5 мм от восемнадцати миллиметров. А потом берёшь сверло 15,5 миллиметра и сверлишь. Понял?

– Нет, не понял.

Вася берёт карандаш, бумагу и начинает объяснять сначала. Алик смотрел-смотрел, и, когда объяснение подошло к концу, спрашивает:

– Так что это? Как мне нужно будет дырку просверлить, так я должен каждый раз на бумаге высчитывать? Ты мне так объясни, чтоб я сразу знал!

«ТРУБОГНУТ»

Как-то механик дал Алику задание переставить трубогиб – это такое приспособление для изгиба труб различного диаметра.

Алик оскорбился: мол, чего это я должен за сантехниками убирать, и пошёл к ним разбираться.

– Идите и уберите свой *трубогнут*, – заявляет им с порога.

– Что-что? – не поняли сантехники.

Алик нутром почувствовал, что сказал что-то не так и тут же поправился:

– Механик сказал, чтобы вы убрали из цеха свой *трубогнул*.

Сантехники сделали вид, что опять не поняли. Алик разозлился их непонятливости и выразился более доступным языком, заменив «трубогиб» просто крепким словцом. Тогда его, конечно, «поняли», но кличка «трубогнут» мгновенно так и прилипла к нему.

ПРОГУЛЬЩИК

Однажды Алик похвастался, что зимой чуть ли не каждый день в кино ходит. Летом, говорит, некогда, летом я обычно в парке гуляю. А зимой хорошо – чуть не каждый день с уроков срываюсь. Надо сказать, что в свои восемнадцать лет он учился ещё только в шестом классе вечерней школы.

У меня, говорит, в первой четверти шестьдесят прогулов было, во второй восемьдесят пять, а в третьей больше ста.

– А в четвёртой? – спрашивает Вася. Алик стыдливо опустил голову и скромно произнёс:

– А в четвёртой только сорок.

– Так ты же ведь никогда и ничему не научишься, – говорят ему. На что Алик бодро отвечает:

– Ничего! Вот как-нибудь накуплю книжек и буду двигаться подальше к науке.

Но двигаться «подальше к науке» не получилось, потому что, не домучив седьмой класс, он вообще забросил учёбу.

ЦЕХКОМ

На заседание цехового комитета был вынесен один вопрос, глубоко встревоживший руководство цеха: молодой рабочий Пётр Иванов грубо нарушил условия трудового соревнования.

Желая во что бы то ни стало обойти соперника, Ивана Петрова, он в нерабочее время пробирался в цех и в течение двух часов продолжал прерванную по окончании смены

работу. Но Ваня Петров, не желая отставать, после ухода Пети Иванова также возобновлял работу. Таким образом, никто из соперников не мог выйти в лидеры.

Вопрос не ставился бы столь остро, если бы у них не оказалось последователей. В скором времени чуть ли не весь цех начал нелегально работать круглые сутки, что повлекло за собой катастрофическое перевыполнение плана. А с этим руководство цеха мириться не могло потому, что на следующий месяц им запланируют задание от достигнутого.

А это значит…

ВОТ ТАКИЕ ОНИ ЖУРНАЛИСТЫ, ИЛИ КАК Я ПОЗДРАВЛЯЛ ТАМАРУ КРЮЧЕНКО С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ

Средь бела дня 30-го мая вспоминаю, что у нашей журналистки и поэтессы день рождения. Набираю номер мобильника, потому что на городских телефонах её уже вряд ли поймаешь.

Пока в телефоне звучит мелодия из «Семнадцати мгновений весны», в голове готовлю текст. Через мгновение слышу скороговорку: «Спасибо, Евгений Михайлович, за поздравление и пожелания здоровья, счастья и творческих успехов. Извините, у меня на городском абонент с очень серьёзным вопросом».

На этом моё поздравление завершилось.

КОМАНДИРОВКА

Эта история случилась в добрые, старые советские времена, которые у разных людей вызывают неоднозначные воспоминания. Часть людей довольна произошедшими изменениями, а у большинства эти перемены вызывают ностальгию по прошлому нашей Родины. Но сейчас речь не о политике, а об одном командировочном «приключении».

После напряжённого рабочего дня, проведённого в отделах министерства, директора нескольких республиканских заводов решили пообедать, а заодно и поужинать в столичном ресторане. Напряжение и стресс после трудового дня снимали в основном коньяком. Из ресторана выходили уже в сумерках, и ещё более «уставшими».

Наш директор, Степан Иванович, будучи уже «на автомате», подошёл к ожидавшей его служебной машине, на которой он и приехал в Минск.

– Куда едем, Степан Иванович? – спросил водитель.

– Домой, – коротко бросил директор, и наконец расслабившись, закрыл глаза и под ровный шум мотора задремал. Часа через три он открывает глаза. За окном уже совсем темно, а они всё ещё едут.

– Николай, чего мы так долго едем? – спрашивает Степан Иванович.

– Скоро уже будем дома, – отвечает Николай.

– Как это дома? Куда мы едем?

– Домой, как вы сказали.

– Так, где мы?

– Уже под Жлобином, скоро будем в Гомеле.

– Какой Жлобин?! Какой Гомель?! – сразу проснулся и протрезвел Степан Иванович. – В девять часов совещание у министра! Быстро разворачивайся! Я же имел в виду «домой», значит, в гостиницу!

– На совещание я, конечно, успел, – продолжил свой рассказ Степан Иванович, – но на этом приключения той командировки не закончились. Где-то, а где не помню, я забыл свою новую норковую шапку, которую мне подарила жена на Новый год. Думал, она не заметит, но утром, когда я выходил в старой шапке, она спрашивает:

– А где твоя новая?

– Ты понимаешь, – начинаю я выкручиваться, – начальнику промышленного отдела она так понравилась, что он пристал – продай да продай. Ну не мог я ему отказать, говорю. Но вижу, в её глазах светится недоверие. Пришлось для убедительности и сто пятьдесят рублей ей отдать из заначки, – закончил своё повествование Степан Иванович.

КУМУШКИ-СОСЕДКИ

ИРОНИЧНЫЕ СТИХИ

ВОТ ЭТО БУДЕТ ДРАМА

Однажды в сентябре,
В какую-то субботу,
Две ведьмы на метле
Летели на работу.

Про ночи, вечера,
Летели, щебетали,
И как позавчера
На шабаш опоздали…

Дав волю языкам,
То смехом, то со злостью
Каким-то мужикам
Перемывали кости.

Чесали языки,
Ну, как не посудачить –
Как пошлы мужики,
Как лучше их дурачить…

Хватились ведьмы вскоре:
Не много ли болтаем?
А то ведь будет горе,
Коль снова опоздаем.

И так наш Вельзевул
На нас давно зуб точит,
Уволит за прогул,
Не дожидаясь ночи.

Вот это будет драма,
И даже может статься,
Что добрыми делами
Придётся заниматься.

ЗАЧЕМ ХОДЯТ НА РАБОТУ?

Папа Олечкин, Володя,
«На бровях» после работы
Каждый божий день приходит.
Вот уже семье забота!..

Говорит однажды Оля,
Собираясь утром в школу:

«Мне давно уже охота,
Папочка, тебя спросить:
Ты что? Ходишь на работу
Пьянствовать и водку пить?»

ПООБЕДАЛИ

Мама, папа, два сыночка,
Четырёх-пяти годочков,
В ресторан зашли покушать,
Песни, музыку послушать.

Заказали на обед
Отбивные и лангет,
Рыбу, плов, блины и пиццу,
Суп, котлеты, винегрет,
Воду «Чистая криница».
Кулебяку, беляши –
Попросили малыши.

И, конечно, ели-ели,
Но всего не одолели.

Счёт осталось оплатить,
Да пора и уходить.

Мама строго, как педант,
Говорит: – Официант,
Беляши и кулебяку,
И вот это, и вот это
Упакуйте для собаки,
Нет, не нужно винегрета.

– Упакую, как сказали…
А мальчишки заорали:

– И у нас собака будет!
Или такса, или пудель!

Мама купит нам собаку!
Отдадим ей кулебяку!

Эта реплика, конечно,
Прозвучала так потешно –

Все от хохота шатались,
Только мама не смеялась.

КУМУШКИ-СОСЕДКИ

Кто всё видит? Кто всё слышит?
И кто знает всё про всех?
Знает точно, кто чем дышит,
Кто какой имеет грех?

Это кумушки-соседки,
Все из нашего двора,
На скамейке, как наседки,
Собираются с утра.

Греют косточки на солнце –
Усмиряют злобный стронций,

И на том же солнышке
Заодно по зёрнышку

Собирают сплетни, слухи…
Про кого-то скажут: шлюха,

Тот мошенник, тот ворюга,
А Иван – ходок известный,
Васька Верочкин – пьянчуга,
Галка – вечная невеста…

Этим кумушкам приятно
И на солнце видеть пятна.

Вот бы память им вернуть,
На себя, родных, взглянуть:

Молодыми ж тоже были,
А бывало, и грешили.

И такой же вот «домком»
Мыл им косточки тайком.

А раз кости перемыты –
То свои грехи забыты.

ЭСТЕТ

Вчера бульдог, любитель флоры,
Большой ценитель красоты,
Залез на клумбу, поднял ногу,
И … помочился на цветы.

ПРО КОЗЛОВ

«Расскажу тебе, бамбино, –
Говорил козлёнку-сыну

Старый опытный козёл, –
Почему бываю зол,

Почему козлом козла
Называют лишь со зла.

Нас, козлов, все лично знают,
Даже очень уважают.

Людям нравится наш гордый
Нрав козлиный, очень твёрдый.

Мы обиды не прощаем –
Честь рогами защищаем.

А козлов среди людей –
Не сочтёшь – полно везде.

Их козлами называют
За дела, я точно знаю.

То ругнётся новосёл
На строителя: козёл,

Пешеход козлом бывает,
Если путь перебегает.

Бывают и водители –
Козлы-автолюбители.

На начальство люди злы,
Говорят про них: козлы.

А рогатые тузы
Среди них – совсем козлы.

Если кто-то дал по роже –
Он козёл, конечно, тоже.

Ну, а те, кого ругают
За чьи-то упущения –
Те, как правило, бывают
Козлами отпущения.

Как послушаешь – дурдом,
Лишь одни козлы кругом.

Почему же все кругом
Называют их козлами?

Пораскинь, сынок, умом:
Чем же люди лучше сами?

Нет для них прощения,
Только бой и мщение!

Вот поэтому я зол», –
Объяснял сынку козёл.

КОТ В САПОГАХ

Кот в сапогах встретил кошку в сапожках
И предложил прогуляться немножко.
– Ах! Я такой не встречал никогда!
Вы милая, чудная, славная крошка!
Я с вами остаться готов навсегда!
– Мурр-мур-ча! – игриво ответила кошка,
Что значило: «Да, я, конечно, согласна,
Мы прогуляемся с вами прекрасно…»
Долго гуляла влюблённая пара.
Муркал он песенки ей под гитару.
Но в утренней дымке внезапно растаял,
А кошке в сапожках надежду оставил:
– Я буду писать вам, – сказал на прощанье.
Конечно, не выполнил он обещанья…

Восемь недель с той поры пронеслись,
Трое чудесных котят родились…
И не одни истоптались сапожки,
Но больше не встретился кот этот кошке.

КОРОТКИЕ ДИАЛОГИ

– Посмотри, какая оригинальная девушка.
– Да, внешность у неё не избитая.

– Ты молодец, хорошо знаешь и геометрию, и тригонометрию.
– Так я ещё в детстве хорошо освоил все углы.

Учительница: – Послушай, Вова, я что-то ничего не поняла из того, что ты сказал.
Вова сосредоточенно: – Да я и сам ничего не понимаю…

– Узрев, не вкусишь, а вкусив, не поймёшь…
– А что это?
– А я и сам не знаю!

– Ты зачем поломала чучело в огороде?
– А чтобы не приставало ко мне.

Покупатель вежливо: – Девушка, милая, покажите мне вон ту колбаску.
– Я вам не милая, и не девушка, и в руки товар мы не даём.
– Да, что вы не очень-то милая, я понял, ещё бы убедиться, что вы и не девушка.

– Ах! Как жаль, что Иван Иванович не сможет увидеть это!
– Да, конечно. Он бы умер от радости.

– Хотелось бы посмотреть на нашу Землю со стороны, но как это сделать?
– Отойди в сторону.
– А в какую?

– Дурак, сынок, это человек, который ничего не знает и ни к чему не стремится.
– Папа, а дурак набитый, это когда живот как у дяди Васи?

– Я многограннее, – кичится октаэдр перед кубом.
– А я гениален, потому что прост, – отвечает куб.

Вопросы, которые студенты не задают экзаменатору:
– А если билет лёгкий, поменять можно?
– За что вы мне поставили отлично?
– Вы соображаете, что вы говорите?

– Уот из ё нэйм?
– Мыкола май нэйм.
– О! Ду ю спик инглиш?
– Та ни, ничога я не дую по инглиш.

ОГРЕХИ ДЛЯ СМЕХА

Радиопередача «Шчыт Айчыны»

«…не нужно бряцать оружием. Нужно заниматься борьбой с терроризмом и миротворческими организациями».

Из радиопередачи. Мальчик из Орши:

«Я когда родился, мне наш город сразу не понравился. А потом он мне стал нравиться».

Из радиопередачи. «К моим присоединениям поздравляется моя сестра».

Передача «Горячий шоколад», 24.08.02.

Олег: «Конечно, наши женщины – прекрасные девушки».

Передача «Сельская раніца», ноябрь, 2004 г.

«…морковь мне очень нужна, потому что и свекла мне очень нужна».

Из выступления по радио:

«…желаю хорошего здоровья, крепкого даже».

Из радиопередачи: «У нас раньше не хватало человеческого фактора».

Из выступления по радио: «…пишу эстрадные и народные песни».

Из радиопередачи, 07.03. 2003 г. Министр здравоохранения Людмила Постоялко:

«К сожалению, у меня в жизни семья хорошая, но…»

Из радиопередачи: «Аўтамабіль… сутыкнуўся з дрэвам».

Из радиопередачи:

«…Беларускае радыё прымушае не толькі прачнуцца, але заклікае і на іншыя гераічныя подзвігі».

Радио. Беседа с психологом:

«…Вспомните, как ведёт себя утёнок, находясь в курином яйце, когда над ним пролетает хищник».

«Сельская раніца»: «…ільнозаводы чакаюць трáсцу з новага ўраджаю».

Утренняя гимнастика, Ольга Шагойко:

«Выберите удобное для вас положение. Ритм дыхания тоже удобный: вдох – выдох».

Утренняя гимнастика, она же, конец 1999 г.:

«…РУКАМИ мы работаем целый день и делаем разнообразную работу: переносим сумки, поднимаем детей, СТОИМ У СТАНКА».

«Сельская раніца», о проведении Дня деревни:

«…у нас были обóйдены все дома, объедены все улицы».

«Радиофакт», 21.12.1998 г.

«…ітак, сёння 21 … замінка. Пасля некаторай паўзы… студзеня. Памаўчаў… снежня. Зноў памаўчаў і прадоўжыў передачу. Аднак, праз пару мінут, перад новай інфармацыяй, вельмі натхнёна прамовіў: «Ітак, усё ж такі сёння 21 снежня!»

Радио. Из репортажа комментатора о футбольном матче между первой и второй сборной:

«…редкие атаки первой сборной повторяются чаще».

Радио. «А если кролику впрыснуть 100 граммов никотина…» (Бедный кролик! Он и умереть-то не успеет!)

Радио. Из выступления молодого хоккеиста:

«Мне очень нравится хоккей. Очень темпераментная игра… такая… . И вообще силовая».

«Сельская раніца», 1998 г. Интервью с сотрудником Гомельского технического университета (каф. СХМ).

Кореспондент:

– И что же предполагают ваши научные разработки?

– Наши научные разработки предполагают кормить коров, как нужно, чтобы они наедались.

«Сельская раніца», 1998 г. Интервью с генеральным конструктором МТЗ.

Корреспондент: – Как вы стали конструктором?

– Я вообще, в принципе, был когда-то молодым человеком…

Радио. Молодая поэтесса Андрею Дементьеву:

«Я начинающий поэт… Мне нужно соединиться с вами».

Из радиопередачи: «…знайшлі ў ёй кішэнную палачку».

Утренняя передача, 05.06.1999 г.

«…паляўнічыя і рыбаловы збіраюцца сёння на сваё першае нацыянальнае свята».

Из радиопередачи. Сообщение из вытрезвителя:

«…гражданин … временно не работает. Находясь в пьяном виде, не мог идти домой по улице Пролетарской». (Ну, шёл бы домой по другой улице…)

Из радиопередачи: «…из них 24 ребёнка были лишены родительских прав».

Реклама. «Каждое воскресенье у нас праздник – мы ударяем по ценам. В это воскресенье мы ударим по яйцам! Приходите! Вам понравится!»

Реклама «УКАМЫ»:

«УКАМУ можно сравнить с лучшими образцами отечественного навоза».

Рекламный шедевр, Сергей Минский:

«…девчонки приличные любят столичного».

Песенные перлы, группа «Премьер-министр»:

«…у меня мурашки от моей Наташки».

Из известной песни:

«… Когда глаза твои, глаза влюблённые, о самом ГЛАВНОМ говорят: ДАВАЙ, ДРУЖОК, НА ПОСОШОК!»

Из известной песни:

«Старушка-мама зарыдает,
Слезу смахнёт старик-отец,
И молодая не узнает,
Какой у парня был конец.

(Потом, правда, текст видоизменили).

«Гомельская праўда», 21.12.1999 г. Статья «В космос отправлял, под землёй бывал, за океан летал»: «…но не сломалась в неволе белорусская крестьянка, дала себе слово: если останется жива, то ОТМСТИТ за расстрелянных родителей, за убитых братьев тем, что РОДИТ МНОГО ДЕТЕЙ». (И отомстила-таки – 10 сыновей и 2 дочки).

«Комсомольская правда», 05.01.1980 г. Статья «Поздравление … с увольнением»:

«…Чистые корпуса, современные поточные линии, красивые девушки мило улыбались с фотографий».

М. Шевердин, «Тени пустыни», Ташкент, 1965 г. :

«…намотав поводья на руку вырывавшегося благородного своего, но вконец измученного коня».

Из технического задания:

«Разработать технологический процесс и технологическую оснастку на окрашивание в коричневый или чёрный цвет (воронение) наконечников для шнурков из ботинок, изготовленных из малоуглеродистой стали». (Видимо, ботинки – типа современные кандалы).

Объявление:

«Быстро и качественно шьём кожаные кýртки любой сложности из кожи заказчика».

«Молния» в цехе:

«Поздравляем семьи Иванова и Ветошкина с рождением сыновей. Желаем им новых творческих успехов».

Объявление вахтёра на проходной в мастерских:

«Хто снял цепь с собаки? Возвратить на место так, как мне известно.18.10.71 г.»

Объяснительная записка начальнику цеха:

«Я отсутствовал на работе 15 и 16 мая по справке, которую купил на пляже. 21.5.71».

Фраза из киножурнала. Хозяйка: «…пойду, проверю, выключила ли я электробытовые приборы?»

Выписка из решения месткома на заявление о материальной помощи:

«В связи с отсутствием денег объявить т. Бубенцову благодарность».

«Гомельская праўда», 15.04.2006 г. Заметка «Мобильный на память»:

«Весело ПРОВЁВ время в одном из увеселительных заведений…»

Там же – «Романтическое свидание закончилось кражей»:

«Под видом миловидной девушки скрывалась неработающая 26-летняя местная жительница».

Выписка из решения завкома:

«Комиссией установлено, что шофёр … порезал руку, открывая поллитровку, находясь возле своей машины. В связи с этим считать травму производственной».

Из репортажа с Лондонской Олимпиады, 31.07.2012 г.

Баскетбол, Китай – Россия:

«…Сяргей Моніч узняўся ў паветра…»

«…гэты хлопец насамрэч можа скокаць і лятаць…»

МЁДОМ ДЁГОТЬ НЕ ИСПОРТИШЬ

Голодный сытому не сочувствует.

Даже негодяи бывают способны на честные поступки.

И грозный царь Тимур в детстве был Тимкой.

Эта деталь хорошо вписывается в общую дисгармонию.

Сослуживцы постоянно возносили способности коллеги, и он занёсся.

Его торцует червь самомнения.

Писать роман не раз решал, но интеллект не разрешал.

Всё. Хватит отдыхать. Я уже устал.

Лекция атеиста – праздник для нечистиков.

Сигарете доставляет удовольствие пускать дым в глаза.

За письменным столом пишутся не только романы, но и анонимки.

Богатое внутреннее содержание платяного шкафа ещё не говорит о внутреннем богатстве его владельца.

Даже среди китов встречаются голубые.

Зайцу нравится наступать подружкам на лапки, потому что тогда они называют его медведем.

Кляузник Анонименко опубликовал свою переписку за 30 лет.

В ночной темноте и простая лампочка – светило…

Бестолковый словарь.

Неприглядные пособия.

Концентрат из ненатурального смеха.

Хулиган широкого профиля.

Диплом удостоверяет хотя бы то, что человек учился…

Студент – неопределённый интеграл от Homo sapiens.

Виноград – прообраз Президентской стипендии.

Ужас – обоюдное чувство. У студента до экзамена, а у преподавателя – после него.

Нашедшего чувство чёрного юмора прошу не возвращать.

Ну, что за человек?! От него не то что пользы – даже вреда никакого…

Диетическое воспитание.

Даже у бездельников бывают дела.

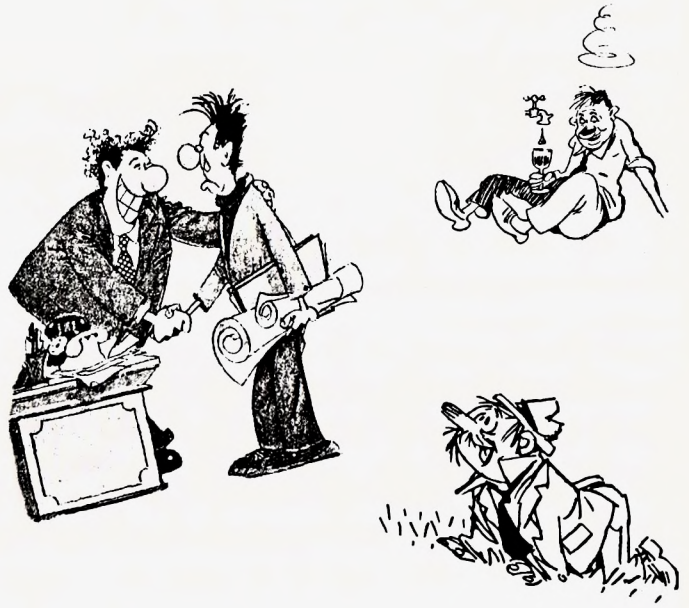
Взрослым детям мы нужны только тогда, когда мы им нужны.

От несчастных случаев не застрахованы даже застрахованные.

Женщинам нравится нравиться даже тем, кто им не нравится.

Воробей не слово – не поймав, не выпустишь.

В своей работе он не сталкивался с людьми, т. к. был хорошим водителем.

ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ЧЁРТ И АТЕИСТ

Раздался треск, словно разорвали плотную ткань, пахнуло на мгновение жаром и дымком, как из мангала. Лектор общества «Знание» Ф. Неверующий, закоренелый атеист, оторвал взгляд от конспекта очередной лекции. У двери кабинета стоял худощавый, интеллигентного вида мужчина в модной шляпе.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте. По какому вопросу вы ко мне?

– Недавно я присутствовал на вашей лекции, и очень уж она мне понравилась. Мне показалось, что у нас с вами есть много общего. Поэтому я предлагаю заключить договор о сотрудничестве, – продолжил мужчина. – Дело в том, что я Чёрт. Рад, что хоть перед вами мне не нужно таиться. Ведь мы с вами оба заняты ниспровержением этого старого консерватора.

Атеист досадливо поморщился. «О, Господи, – подумал он, – и за что только в психбольницах деньги получают? Принесло же этого сумасшедшего. Только от работы отрывает...» Не успел он додумать свою мысль до конца, как его странный гость как-то нервно икнул и съёжился.

– Зачем вы меня так?

– Как так?

– Зачем вы меня «господом» помянули?

«Чёрт те что, – опять подумал Атеист, – что он, мысли читает, что ли?»

– Вот это другой разговор, – воспрянул духом посетитель и довольно улыбнулся. – Для нас, чертей, малейшее упоминание об этом вздорном старикашке просто невыносимо.

– Товарищ, не мелите чепуху. Вы ведь прекрасно знаете, что чертей уже всех давно повывели. Последнего чёрта, говорят, видели незадолго до смерти Гоголя, и с тех пор о них ни слуху, ни духу.

– Здрасте ещё раз! А я, по-вашему, кто или что тогда? Вот вам копыто, вот хвост, – Чёрт покрутил кисточкой на кончике хвоста. Он приподнял свою модную шляпку, и Атеист увидел пару небольших аккуратненьких рожек.

Но хозяин кабинета и не думал сдаваться. Он был настоящим Атеистом.

– Да ну! Это не доказательства. Хвостом вы меня не удивите. Иногда бывает такое, атавизм. А на таких копытах молодёжь сейчас сплошь и рядом ходит. Дурацкая мода, должен сказать. Кстати, свои вы в каком магазине брали? Мой лоботряс тоже ищет что-то подобное.

– А рога?! – в отчаянии воскликнул Чёрт. – Рога вы видите?

– Эка невидаль! Рогатый мужик! Да таких сколько угодно. Никто не может поручиться, что у него их нет. Я своих не вижу, другие – тоже, а вот кое-кто уж точно знает, что они есть. И вообще, к чему весь этот маскарад? Извините, я занят, готовлюсь к лекции. – И атеист лёгким наклоном головы показал, что разговор окончен.

Чёрт уныло опустил голову. Через мгновение опять пахнуло калёным железом и углем, как из кочегарки, и он исчез. Атеист же, пожав плечами, вновь занялся конспектированием своей будущей лекции об истоках возникновения суеверий.

СУМАСШЕДШИЙ

Первая половина рабочего дня подходила к концу, и, возможно, начальнику Двенадцатого Управления Главкеросинсбыта Ивану Ивановичу Синичкину удалось бы спокойно додремать, сложив руки на животе, до обеда, если бы вдруг не отворилась дверь и не вошёл неожиданный посетитель.

«Ну вот, пожалуйста, – подумал Иван Иванович, – этого мне только и не хватало...» У него была примета: если кто-то ему помешает – вздремнуть больше не удастся. Он недовольно зевнул и, не торопясь, нажал кнопку под крышкой стола.

В дверном проёме возникла завитая прическа, под которой внимательный глаз рассмотрел бы миловидное заспанное личико секретарши начальника Управления.

– Послушайте, уважаемая Нина Петровна. Вы же прекрасно знаете, что я не люблю, когда мне мешают работать, – раздражённо бросил Синичкин.

– Извините, Иван Иванович, но я была так занята, что не заметила даже, когда этот товарищ проскользнул в ваш кабинет, – она подозрительно глянула на переминавшегося с ноги на ногу посетителя.

– Вы, видно, просто... если это повторится ещё раз, я буду вынужден.... – Тут Иван Иванович замялся, так как он был очень добр от природы и ему с трудом давалось слово «уволить».

Через секунду дверь за секретаршей закрылась, и он широким жестом пригласил посетителя в кресло напротив.

– С кем имею честь?

– Видите ли, я марсианин, – произнёс посетитель, хранивший до сих пор молчание, и замолчал опять, словно что-то обдумывая.

– Превосходно! Так чем же я могу быть вам полезен, товарищ Марсианин? – пришёл на помощь Иван Иванович. Тут его словно что-то кольнуло. Он внимательно посмотрел на невзрачного человечка напротив и добавил: – Какая странная у вас фамилия, однако, – Марсианин. Никогда такой не встречал.

– Нет, – оживился человечек,– я не Марсианин, а марсианин. Я прилетел с Марса, а фамилия моя Гы – гыа.

«Влип, – мелькнуло в голове у Ивана Ивановича, – и надо же, перед самым обедом», – тоскливо подумал он. У него уже не было никаких сомнений: перед ним сумасшедший.

Не подавая вида, что раскусил его, Иван Иванович повторил свой вопрос самым любезным тоном:

– Так чем же я могу быть вам полезен, товарищ марсианин Гы – гыа?

Он нарочито подчеркнул слово «марсианин», дабы усладить больную психику посетителя.

– Дело в том, что в моём корабле кончилось горючее, а мне ещё до Альфы Центавра ой, как далеко.

– Да, да! Я прекрасно вас понимаю. Конечно, горючее вам необходимо. – Он уже начал увлекаться игрой. В конце концов, сумасшедший этот довольно вежливый, спокойный, так что для волнения повода нет. А волноваться перед обедом… аппетит испортится.

– Мы постараемся выделить вам горючее, но, понимаете ли, горючее для инопланетных космических кораблей я могу выдавать только с разрешения начальника Главка.

– Так свяжитесь с ним поскорее!

Иван Иванович осторожно снял трубку и, следя левым глазом за «марсианином», набрал 103. «Алло! Это говорит начальник 12-го Управления Главкеросинсбыта Синичкин. У меня тут сидит марсианин… Что? Да, да, марсианин. Ну, как какой? Вы что, никогда марсиан не встречали? Самый настоящий… Ему срочно нужно горючее для его космического корабля. А без вас я не могу отпустить. Да, спокойно. Попрошу поскорее.

– Ну, вот. Через пару минут он зайдёт, и мы всё решим, – довольно улыбаясь своей находчивости, произнёс Иван Иванович, положив трубку. И затем, уже обращаясь к «марсианину», добавил:

– Ну, так как там у вас на Марсе?

Минут через десять машина «скорой помощи» уже неслась в сторону психиатрической лечебницы.

Молва о приключении Ивана Ивановича целый день гремела по всему Главку, а к вечеру ему позвонил Сам:

– Так слышь-ка, Иван Иванович, сумасшедший-то твой действительно оказался марсианином, – весело пробасила трубка, – за ним уже прилетели.

У Ивана Ивановича заныло внутри.

– Значит, я ошибся?

– Да нет! В том-то и дело, что ты не ошибся. Он действительно сумасшедший. Марсиане говорят, что он у них сбежал из психушки. Так что за бдительность в межпланетном масштабе объявляю тебе благодарность.

– Так значит всё-таки сумасшедший?

– Да, представь себе, у них там, на Марсе, он утверждал, что он плутонец.

УГОНЩИК

Вася уныло брёл сквозь заросли, обдирая кожу о колючки диковинных фиолетовых пузырей. Не мешало бы на правах первооткрывателя дать им название. Он знал, что обычно названия берут из латыни, но Вася и русский-то не шибко хорошо знал. Да и унижаться до обыденщины на незнакомой планете не хотелось. «А, пусть пока будут просто пузыри, – решил Вася, – и так голова раскалывается после вчерашнего». Он растянулся на ярко-оранжевой траве, подставив лицо щекотливым лучам изумрудного солнца. Собственно, и солнце-то здесь не солнце. А, да чёрт с ним. Не до него теперь…

Вася опять попытался вспомнить: как же он попал на эту странную оранжевую, колючую планету.

«Бывает же такое, – подумал он, – ну, помню буквально всё – как в ресторане с Антоном сидели, как пили, пели, танцевали… Помню, как домой уходил… Но вот как я ракету угнал – хоть убей, не могу вспомнить».

«А где-то сейчас Антон? – тоскливо вздохнул Вася. – Счастливый, может, отдыхает в вытрезвителе. А мне тут… хоть пропадай… И рад бы домой вернуться, да поди ж ты, пойми на трезвую голову, как с этой ракетой разобраться. Для чего какая кнопка? Это тебе не ДИП–200, и даже не ТОЙОТА…»

Вася вспомнил, как эти проклятые пульты смеялись над ним сегодня утром десятками разноцветных огоньков.

«Эх, чёрт!.. Без бутылки не разберёшься», – простонал Вася и заплакал. На космическом корабле он не обнаружил ни капли такого, что бы хоть чуточку напоминало его любимый напиток.

«И как только они без спиртного в космос летают?» – тоскливо подумал он.

ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Итак, снова опыт. Который уже по счёту – сотый, двухсотый?.. Вадим и сам уже не может этого вспомнить. Журнал он не ведёт. Может быть потому, что сразу не начал, а может и потому, что хочет сохранить своё открытие в тайне. Вот и сегодня – все сотрудники уже разошлись, лаборатория опустела, а он только ещё начинает свои опыты. Зато никто не будет мешать и лезть с советами и помощью.

Вадим прекрасно понимает, что эти «маститые» запросто могут съесть его вместе с открытием. А потом попробуй докажи. Кто поверит, что ему, простому младшему научному сотруднику, посчастливилось открыть в нашем, таком, казалось бы, изученном мире, другой мир, другое измерение. А пока он ещё не может опубликовать свою работу. Возможно сегодня… На сегодняшний опыт Вадим возлагает большие надежды.

Если ему удастся вступить в контакт…. Вадим сдержанно улыбнулся. Он не любил давать волю чувствам. Но всё-таки что-то ему подсказывало, что именно сегодня он добьётся успеха. Если бы удалось!

До сих пор он был лишь наблюдателем. Он видел, как изменяясь, вытягиваясь, утолщаясь, изгибаясь в пространстве, на глазах оживали такие предметы, на которые никогда и не подумаешь, что они могут так видоизменяться.

Он видел другой мир, видел и тех, кто его населял. Но каждый раз видел их по-разному. Он знал, что и они его видят. Но всегда всё обрывалось, как только он пробовал заговорить с ними. Вся беда в том, что он не может пока обобщить свои наблюдения в стройную теорию. Главное звено пока ускользает от него. Нужны веские аргументы, а их нет. Сколько раз он пытался изъять из того многомерного мира какую-нибудь вещь, но по возвращении они всегда оказывались то обычной пробиркой, то пинцетом.

Вадим тщательно отмеряет мензуркой реагенты, смешивает их и, бросив последний взгляд по сторонам, медленными глотками выпивает смесь. Ему всегда немного страшновато покидать привычную обстановку, но…

Постепенно сквозь туман начинают пробиваться контуры лаборатории, но это уже не та лаборатория. Ожили жидкости в ретортах, всё как-то сдвинулось со своих мест, зашевелилось. А вот появилось и первое живое существо. Оно было небольшого роста, с длинными руками, обросшими рыжей шерстью. Ушей нет – вместо них что-то

наподобие локаторов. Оно плавно приближается к Вадиму, властно берёт его за руку и куда-то тянет за собой.

У Вадима всё внутри затрепетало от радости. Вот он! Этот долгожданный день, который будет самым счастливым днём его жизни!

– Кто вы? – спросил он. Но вместо ответа существо указало на зеркало. Вадим глянул и обомлел – он не увидел себя! Перед зеркалом стояли два совершенно одинаковых существа!

– Значит... значит, вы – это мы, а мы – это вы? – наконец выдавил он.

– Значит, – согласно кивнуло существо. Но тут вдруг над головой Вадима что-то зашумело и на неё опустилось нечто холодное, мокрое. Вадим потерял сознание. Последнее, что он успел услышать, были слова: «Белая горячка. Опять спирта нахлестался».

ОЧКОВЫЙ РЕФЛЕКС

После смерти выдающегося учёного, академика Андрея Ивановича Щёкина, в его рукописях, среди неразработанных тем, была обнаружена небрежная запись: «Очковый рефлекс». Коллег заинтересовала эта неожиданная находка. Никаких пояснений по теме обнаружить не удалось, а академик, видимо, вплотную подошёл к её разрешению. Всем была хорошо известна его привычка озвучивать тему только тогда, когда он уже знал о ней что-то конкретное.

Учёным Советом тема была предложена для разработки отделам Оптики и Офтальмологии НИИ, которыми руководил при жизни заслуженный академик.

Несколько лет упорно работали сотрудники означенных отделов, подключая, по мере необходимости, и другие отделы Института, поминая время от времени тихим, добрым словом светлую память академика. Тема продвигалась трудно, так как практически всё начиналось с нуля. Но постепенно на голом поле начали появляться ростки. Ведь законы природы непоколебимы: если кто-либо один смог решить какую-то проблему, то всегда найдётся и второй.

Наконец настал счастливый день. К заслушиванию в АН были подготовлены схемы, диаграммы, разработанная аппаратура...

Отчёт коллектива был признан блестящим, имеющим огромное народно-хозяйственное значение, совершившим прорыв в области оптики и медицины и неоценимым для человечества вообще. В ходе работы над темой был сделан ряд открытий, получено несколько десятков патентов, авторских свидетельств на изобретения, изданы коллективные труды, монографии. В память об авторе идеи было предложено в его честь переименовать «Очковый рефлекс» в «Эффект Щёкина».

На заседание был приглашён сын академика А. И. Щёкина, Иван Андреевич Щёкин, который по своему призванию не пошёл по стопам своего знаменитого отца, избрав другую стезю.

Выслушав, или прослушав, мудрёные доклады со специальной, чуждой его уху терминологией, он, в общем-то, мало что понял, но во время неофициальной части в честь завершения работы Иван Андреевич протёр лысину и, подняв бокал шампанского, произнёс краткую, но такую же блестящую, как и лысина, речь.

Не буду занимать время читателя повторением его эмоциональной речи. Вот её краткое содержание: «Товарищи! Дорогие товарищи! Спасибо вам за светлую и добрую память о моём отце! – Далее он говорил о том, как бы его отец, академик Щёкин, был восхищён результатами разработки своей идеи, и, наконец, закончил речь словами: – А я-то по простоте душевной думал, что всё гораздо проще… Дело в том, что отец, сняв очки, всегда поминал этот «очковый рефлекс». Он утверждал, что без очков ему всё время хочется спать».

РЕПОРТАЖ С ТОГО СВЕТА

Бегущая строка на здании гостиницы, казалось, кричит: «Сенсация! Читайте в сегодняшних городских ведомостях! Репортаж с того света!»

В течение получаса в киосках не осталось ни одного номера. Спрос был небывалый, и киоскеры, пользуясь случаем, сбывали настойчивым покупателям залежавшиеся номера газет.

Газеты буквально вырывали из рук друг у друга. Их читали и перечитывали до тех пор, пока можно было разобрать хоть несколько строк.

Отовсюду только и неслось: «Репортаж с того света! Три дня в загробном царстве! Самый популярный танец на том свете – твист!»

Сенсация! Журналист Пётр Сидоров в результате автомобильной аварии впал в кому, был принят за мёртвого и похоронен! Своими впечатлениями о том, что он там видел, он и делится с читателями. Предоставляем ему слово.

«Ночь, моросит дождь, но, несмотря на это, на шоссе оживлённое движение. Ехать приходится, не превышая ста километров в час. Но вот оживление улеглось, и мы решили прокатиться с ветерком. Иван Иванович, начальник отдела информации, выжимает из машины все её бензиновые соки, и мы наслаждаемся скоростью. На спидометре двести километров. Потом – я так и не понял, что случилось – что-то свистнуло, треснуло, заскрежетало, и на мир опустился полнейший мрак.

В себя я пришёл лежащим со сложенными на груди руками и почему-то обутый. Где я нахожусь? Потянулся – ноги во что-то упёрлись. Начал ощупывать себя. Повернулся на бок.

Вижу, возле меня мой диктофон и фотоаппарат. Тут я вспомнил нашу поездку и понял: по-видимому, мы попали в аварию и погибли, но страху не было. А может, я сплю? Попробовал просыпаться – не получается. Включаю диктофон и контрольной лампочкой освещаю помещение. Так и есть! Я в гробу.… Да, значит, всё-таки умер.

Тут ко мне постучали.

– Да, да, пожалуйста, – говорю я машинально. Крышка распахнулась, и я увидел – о, Боже! Передо мной стоял самый настоящий скелет из анатомического музея. У меня начали дыбом вставать волосы, но он добродушно улыбнулся (теперь я знаю, откуда пошла поговорка «на все 32 зуба») так, что через его рот я увидел противоположную стену. Он протянул мне руку: «Стопочкин, редактор местной газеты. Я узнал, что к нам попал журналист и первым решил поздравить вас с прибытием и пригласить на работу в свою газету». Я тоже представился, и мы разговорились.

Я был польщён таким вниманием и, как осёл, развесил уши. Стопочкин уже не казался мне таким неприятным, как вначале. Я нашёл в его внешности даже нечто благородное, возвышенное.

Он живо заинтересовался моим диктофоном и огорчился, что в его время промышленность ещё не дошла до такого совершенства. Просил подарить или продать, но я вежливо отказался. Тогда он, поглядывая на дверь, сказал, что в моей одежде нельзя будет выходить в город, пока её не продезинфицируют. Он оставил мне трусы и майку, забрал костюм и ушёл. К сожалению, он оказался просто жуликом. Типичный тунеядец. Позднее я видел его в своём костюме.

Так состоялось моё первое знакомство с потусторонним миром. Конечно, я не стал по Стопочкину судить обо всех. В семье ведь не без урода. В основном там были милые, весёлые и добродушные люди, то есть экс-люди, как они себя называли. Потом ко мне пришёл уже настоящий редактор. Мы с ним долго беседовали о различных проблемах там и здесь. На прощание он крепко пожал мне руку, пожелал успешной адаптации, оставил адрес редакции и ушёл. Я выяснил у него кое-что о местных обычаях, об органах власти и т. д. и т. п. и пр. Не буду сейчас распространяться об этом, так как всё это я подробно изложил в своём отчёте «Что нас ждёт в загробном царстве», который скоро будет опубликован. В общем, мне, оказывается, предстояла ещё масса проверок и медицинских комиссий, прежде чем я стану полноценным экс-человеком.

Вышел на улицу. Вечерело, но фонари ещё не зажигали. На улице экс-мужики стучали костяшками домино, во дворах, гремя костями, суетились домашние экс-хозяйки.

Медленно иду по центральной улице, вдыхая аромат экс-бензиновой гари. Где-то слышна музыка. Иду на её звуки. Подхожу к зданию с ярко освещёнными окнами. Тотчас же меня окружила многоголосая толпа экс-молодёжи. Глазницы их светятся ярким, живым интересом. Слышу восторженный шёпот, меня рассматривают, ощупывают.

– Какой хорошенький!

– Какой мяконький!

– Он мне нравится!

– В нём что-то есть!

– Но-но! Не смей и думать о нём, дорогая, а то я вам обоим головы откручу.

Они наперебой расспрашивали меня: когда я прибыл, откуда, как меня зовут, какой сейчас там, наверху, самый модный танец.... И все наперебой просили меня показать, как танцуют Халли-Галли. Я включил свой диктофон (к счастью, там оказалось несколько мелодий), и мы начали разучивать «Еньку». Веселье нарастало. Девушки уже бесцеремонно, то одна, то другая брали меня под руку и приглашали на танец. От ритма шейка все пришли в дикий восторг. Поднялся такой неописуемый скрип и скрежет, что мои непривычные ещё барабанные перепонки могли не выдержать.

Воспользовавшись тем, что внимание толпы захватили парень с хорошо развитой грудной клеткой и тремя сломанными рёбрами, скреплёнными медной проволокой, и его миловидная партнёрша с золотыми зубами и синтетической верхней челюстью, исполнявшие рок-н-ролл, я улизнул.

В свой гроб я возвращался уже затемно. Вот, наконец, и моя «квартира». Я её узнал сразу же по свежей отделке.

Сладко растянулся в «постели». В ушах всё ещё стоял лязг костей. Мозг переваривал впечатления первого дня. Незаметно я уснул.

Проснулся уже поздновато. Сразу же пошёл оформлять документы. Отыскал канцелярию, постучал. За столом сидел экс-человек с сердитыми глазницами и причёской бильярдного шара. При моём появлении он встал, брякнув позвонками, и, широко раскинув руки, бросился ко мне навстречу.

– Петя, дорогой! Какому счастью я обязан тем, что вижу тебя здесь?!

– Автомобильной аварии, – сдержанно говорю я. – А вы кто? – И тут я увидел что-то знакомое в его улыбке, в его сразу потеплевших глазницах. Ну да, конечно, это он, мой родной дядя Коля, алкоголик, который однажды по пьянке замёрз на снегу. А увидев под столом гору пустых бутылок, я ещё больше убедился в этом. «Видно, горбатого и могила не исправит», – подумал я. Но дядя засыпал меня массой вопросов и отвлёк от грустных мыслей. Он живо интересовался жизнью наверху, искренне радовался за меня и жалел моих родителей, которые ещё чувствуют себя хорошо. Он разъяснил мне, что документы мои будут готовы только через несколько месяцев и фотографироваться сейчас мне нет смысла – ведь внешность моя скоро изменится, как он выразился, в лучшую сторону и документы с теперешними фотографиями будут недействительны. После бутылки «Столичной», которую даже сюда, видимо, доставляют контрабандой, дядя Коля захмелел, язык его развязался ещё больше.

Меня не очень-то обрадовали открывающиеся перспективы и, пообещав дяде заглянуть ещё при удобном случае, иду в редакцию. Тит Титыч, редактор, допоздна знакомил меня с местностью. Где мы только не побывали!

В клинике меня ознакомили с новейшими методами скрепления костей, ускоренного снятия кожного покрова. Проверять их на себе я отказался. Попросил позволения поносить свою шкуру ещё хоть пару дней, ведь я очень привык к ней и мне будет тяжело расстаться с ней так быстро. Тогда мне посоветовали косметические средства в виде кремов для безболезненного ускорения процесса. Там же я увидел Ивана Ивановича. Он уже почти не отличался от «аборигенов» и рассказал мне, что сразу же попал в клинику, где ему помогли быстро расстаться со своей бренной плотью. Ему уже заменили раздробленную берцовую кость на керамическую, поменяли два позвонка, вставили зубы, отрихтовали грудную клетку и склеили кости черепа. Но он был ещё очень слаб после всех этих процедур. Мы с ним погоревали о белом свете, но делать нечего, нужно привыкать к новым условиям.

Назавтра мне предстояло медицинское освидетельствование. Я с содроганием вспоминал, с какой жадностью поглядывали на мою новёхонькую кожу в клинике, и как можно дольше старался оттянуть момент вторичного свидания с подземными эскулапами. Но вот подкатил катафалк, и волей-неволей пришлось ехать. Первым делом взяли анализы. Через некоторое время я заметил, что неподалёку собралась группа экс-медиков, которые о чём-то подозрительно шушукались, настороженно поглядывая в мою сторону.

«Ну, – думаю, – пришла пора вылезать из кожи вон». Вдруг до меня долетает: «Я же говорил… подозрительно… шпион… теплокровный… надо срочно принимать меры».

Я весь ушёл в уши, но эскулапы скрылись. Тогда я начал лихорадочно ощупывать себя. Да, тёплый. Ущипнул – больно! А может, я ещё не совсем умер?! Ну да! Конечно, живой! И тут я снова увидел экс-медиков. Они группой приближались ко мне. В руках у них что-то блестело. О, ужас! Коса! Классическая коса – эмблема смерти!

Тут ко мне подкрался Иван Иванович. Он тоже всё видел, слышал и понял. «Спасайся, – говорит он, – ты, оказывается, живой, передавай привет моим домашним и всем нашим сотрудникам».

Теперь-то меня действительно обуял смертельный страх. Я завопил благим матом, метнулся к выходу, влетел в тот же катафалк, в котором меня привезли, и помчался к своей «резиденции». Жрецы смерти с воплями мчались за мной. Но я уже выиграл время, забаррикадировал вход и начал руками и зубами рыть землю. К счастью, наверху шёл сильный дождь, вода текла прямо за воротник, и я с победным рёвом вылетел наверх.

Первое, что я увидел, когда мои глаза привыкли к дневному свету – это графин с водой в руках Ивана Ивановича, который, отчаявшись разбудить меня, решил прибегнуть к последнему, но верному средству.

И как это получилось, что я уснул на работе?!»

СОДЕРЖАНИЕ

БАЛАГУР ... 3

Досвистелся рак ... 4

«Смирнофф» ... 5

Кто главный в демографии? ... 6

Откуда прозвища берутся… ... 7

Под крышей дома моего ... 7

Отчёт о командировке ... 8

Подковки ... 10

Коньяк ... 11

Старая подшивка ... 12

Балагур ... 13

Подпись ... 14

Экзамен по турецкому ... 15

Ну, Дябкин, погоди! ... 17

Дед Мирон ... 18

Сидели старик со старухой ... 21
Глазами смотрящего ... 21
Эх, ты, Булька… ... 22
Ходячий анекдот ... 23
Святая водица ... 24
Точный расчёт ... 25
Дублёр ... 26
Пересдача ... 27
Подкинули ... 28
Разговор, случайно услышанный в парилке ... 29
«Щикатурка» ... 29
Суд скорый, правый ... 30
Старушка-веселушка ... 31
День рождения ... 32
Как Василь Ткачёв карпов кормил ... 33
Мир тесен ... 34
Сигареты ... 35
Угощение ... 36
«Закалённый» ... 37
Любознательный ребёнок ... 38
Анонимка ... 39
Подслушанный разговор двух котов ... 40

Развидняе ... 41
Главный пункт ... 42
Телефонный разговор ... 43
Фужер шампанского ... 43
Молоко на похмелье ... 44
Характеристика ... 45
Месть ... 46
Новшество ... 47
В троллейбусе ... 48
Апельсиновые корочки ... 49
Сибирская родня ... 50
Женский день ... 51
Щука тоже хочет жить ... 53
Его Величество случай ... 54
Тугодум ... 56
Ох, уж эта арифметика! ... 57
«Трубогнут» ... 58
Прогульщик ... 59
Цехком ... 59
Вот такие они журналисты,
или как я поздравлял Тамару Крюченко
с днём рождения ... 60
Командировка ... 61

КУМУШКИ-СОСЕДКИ ... 63

ИРОНИЧНЫЕ СТИХИ ... 64

Вот это будет драма ... 64

Зачем ходят на работу? ... 65

Пообедали ... 66

Кумушки-соседки ... 67

Эстет ... 68

Про козлов ... 69

Кот в сапогах ... 71

КОРОТКИЕ ДИАЛОГИ ... 72

ОГРЕХИ ДЛЯ СМЕХА ... 74

МЁДОМ ДЁГОТЬ НЕ ИСПОРТИШЬ ... 81

ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ... 85

Чёрт и атеист ... 86

Сумасшедший ... 88

Угонщик ... 91

Другое измерение ... 92

Очковый рефлекс ... 94

Репортаж с того света ... 96

Издания ОДО «Барк» последнего времени

Александр Некрашевич «Гомельская милиция. История и современность. 1917–2017»

Алесь Бычкоўскі «У пошуку шчасця». Правінцыйныя казкі

Виктория Шумилова «Старый дом, новый дом». Рассказы

Александр Атрушкевич «Петля Мёбиуса». Повести, рассказы

Евгения Езерская «Четыре грани меридиана». Повесть-фэнтези

Крысціна Курчанкова «Словы навобмацак». Гісторыі-імпрэсіі

Наталья Шемет «Вероятности любви». Истории, картинки из жизни

Александр Атрушкевич «Беспутный Ян». Повести, рассказы

Генадзь Лапацін «Варвара Грэцкая як з'ява беларускай народнай культуры»

Ника Ракитина «Перстень для Гелены». Фэнтези о любви

Татьяна Кудрявцева «Как странно не совпали даты». Повесть, рассказ

Александр Рогалев «Этнические и географические названия как источник для изучения истории Беларуси»

Наталья Шемет «Любовь бывает только вечной». Лирические истории